

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

Т.Н. Медведева

Методические указания по курсу
«Общее языкознание»

Тема: Лингвистическая география. Неолингвистика

Лингвистическая география появилась в 70—80-х гг. XIX в., в связи с распространением «теории волн», когда обнаружили факты несовпадения языковых явлений и сложилось мнение об отсутствии границ между диалектами и языками, о смешанном характере языков и о том, что чистых языков вообще не существует. Развитие лингвистической географии связано с нанесением различий диалектов и созданием диалектологических атласов. Таким образом, лингвистическая география занимается изучением территориального распространения языковых явлений.

Из школьного курса географии известны такие понятия, как «изотерма» (линия, соединяющая области с одинаковой температурой), «изобара» (области с одинаковым давлением) и т.п. По аналогии возникло и понятие «изоглосса», т.е. линия, соединяющая на карте области, в которых наблюдается то или иное языковое явление, например одинаковое произношение звука или одинаковое наименование предмета (явления). Изучение характера распределения изоглосс показало, что их распространение на территории, занимаемой языком, образует сложное переплетение, при этом изоглоссы разных языковых явлений, характерных для данного диалекта, как правило, не совпадают. Проходя близко друг от друга, изоглоссы образуют **пучки**, между которыми выделяются территории, характеризующиеся единством в отношении исследуемого языкового явления. Именно такие пучки изоглосс и образуют территориальные диалекты.

В 1876 г. в Германии **Георг Венкер** (1852—1911) начал собирать материал для составления лингвистического атласа немецкого языка, обращая главное внимание на фонетические и грамматические явления. В 1926 г. часть карт была издана. Во Франции в 1902—1910 гг. **Жюль Жильерон** (1854—1926) и **Эдмон Эдмон** (1848—1926) создали *Лингвистический атлас* Франции, обращая внимание на лексические особенности. Затем лингвистические атласы стали появляться в Италии, Румынии, Испании, Швейцарии.

В России в 1903 г. по инициативе А.А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия, которая в 1915 г. выпустила в свет *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*. Это был первый опыт лингвистического картографирования диалектов восточнославянских языков.

Неолингвистика (или **ареальная лингвистика**) возникла в результате сотрудничества двух ученых, **Маттео Джулио Бартоли** (1873—1946) и **Джулио Бертони** (1878—1942). Оба были романистами и поэтому свои принципы применяли прежде всего к романским языкам. К этому же направлению принадлежат **Джулио Бонфанте** (р. 1904), **Джакомо Девото** (1897-1974), **Витторе Пизани** (р. 1899¹—1991), **Бен-венуто Террачини** (1886—1968). Основные работы:

М. Бартоли, Дж. Бонфанте *Краткий очерк неолингвистики* (1925 г.);

М. Бартоли *Введение в неолингвистику* (1925 г.); Дж. Бонфанте *Позиция неолингвистики* (1947 г.).

По словам В.А. Звегинцева, неолингвистика — это наиболее эклектическое направление, основывающееся на идеях В. Гумбольдта, Г. Гегеля, Дж. Вико, Б. Кроче, И. Шмидта, Г. Шухардта, К. Фосслера, Н.С. Трубецкого, которые соединяются с наблюдениями и выводами лингвистической географии. Больше всего они поработали в области лингвистической географии, ограничившись по существу географическим фактором, преувеличивая его значение. Таким образом, хотя само название «неолингвистика» создано с целью подчеркнуть отличие от младограмматиков (у «них» — **младограмматика**, а у «нас» — **нео-лингвистика**), в целом неолингвистическая доктрина представляет собой не что иное, как продолжение младограмматизма, но с соответствующими модификациями, введенными для того, чтобы оказаться на уровне современ-

ных направлений, прежде всего географических.

Основным понятием является «языковой ареал», т.е. границы распространения отдельных языковых явлений. При этом различают три основные зоны: центральную, маргинальную (латеральную) и переходную, отношения между которыми характеризуются следующим образом:

- 1) в более изолированном из двух ареалов сохраняется более ранняя стадия;
- 2) стадия, засвидетельствованная в латеральных ареалах, является обычно более ранней, при условии, что центральный ареал не является более изолированным;
- 3) больший по величине из двух ареалов сохраняет более раннюю стадию, при условии, что меньший ареал не является более изолированным и не состоит из латеральных ареалов;
- 4) если одна из двух стадий оказывается устаревшей или готовой исчезнуть, то первой исчезает обычно более древняя стадия.

Поскольку распространение языковых явлений происходит не только в пространстве, но и во времени, то можно судить об относительной древности этих явлений.

Неолингвисты считают, что единого языка не существует, а есть совокупность множества диалектальных изоглосс. «Называя изоглоссами элементы, находящиеся в обладании членов данной лингвистической общности в данный момент времени, мы можем определить язык как систему изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты». Реальны только изоглоссы, а не языки или диалекты. Для разных уровней языка употребляются уточняющие термины: изофоны, изолексы, изосемы. При этом, по мнению Бонфанте, «люди говорят при помощи слов, или, скорее, предложений, а не фонем, морфем или синтагмем, которые являются нашими абстракциями и не имеют независимого (реального) существования».

Следовательно, языки не имеют резко определенных границ. Между языками существуют постепенные непрерывные переходы. Таким образом, взамен идеи родства языков предлагается идея сближения и объединения сопредельных языков в один «союз языков».

Понятие и термин «языковой союз» был заимствован у Н.С. Трубецкого, который впервые использовал его в статье *Вавилонская башня и смешение языков* (1923 г.). Он предложил различать языковую семью и языковой союз, понимая под последним группу языков, которые обнаруживают существенное сходство в синтаксисе, морфологии, а иногда и в фонетике. Эти языки обычно обладают общим фондом культурных слов, не связанных системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой.

Таким образом, предпринимается попытка выйти за пределы одной языковой семьи и установить межсемейные связи. Все языки рассматриваются как смешанные, как результаты взаимодействия нескольких языков:

- французский = латинский + германский;
- испанский = латинский + арабский;
- итальянский = латинский + греческий + оско-умбрский;
- румынский = латинский + славянский;
- чешский = славянский + германский;
- болгарский = славянский + греческий;
- русский = славянский + финно-угорский и т.д.

Именно смешение языков и является основной причиной всех языковых изменений, причем смешение не расовое, а культурное.

Помимо изоглосс другим понятием, вошедшим в широкий лингвистический обиход, стало понятие **субстрата**. Субстрат представляет собой совокупность черт языковой системы, относящейся к языку, который был распространен на данной территории ранее, в период, предшествовавший смешению этого языка с языком пришельцев. Автором теории субстрата считается Грацидио Асколи. Однако историки отмечают, что эта теория впервые была представлена Я. Бредсдорфом (начало XIX в.), а в 1860—1880-

х гг. была развита Г. Асколи и Г. Шухардтом, а позже В. Брендалем, Ю. Покорным, А. Мейе, О. Есперсенем, Б. Террачини.

По аналогии с понятием субстрата появляются также **суперстрат** и **адстрат**. Первое понимается как следы языка пришельцев, ассимилированного исконным населением. Это понятие было введено В. фон Вартбургом в 1936 г. Второе — результат влияния соседнего языка. Оно было введено Маттео Дж. Бартоли в 1939 г. Эти два понятия не получили широкого распространения в лингвистике.

Неолингвисты полагают, что язык не является ни «организмом», ни «общественным плодом», ни какой-либо иной сущностью, отделимой от человека. Именно человек создает язык. Язык — полностью сознательное творение. При этом язык — явление индивидуальное и каждое изменение в нем имеет индивидуальную причину. Они также думают, что язык в первую очередь — духовная деятельность и художественное творчество. Каждый случай языкового изменения является порождением отдельного индивида, которое затем «воссоздается» другими в результате повторений и таким образом распространяется на более или менее протяженном пространстве.

Естественно, что родословное дерево отрицается и вместо него признается «волновая теория». В. Пизани считает, что различные ветви «родословного дерева» являются не независимыми и монолитными образованиями, а представляют собой результат распространения из одного или нескольких центров отдельных явлений, которые проникают в разные языки. Причем эти языки могут быть как индоевропейскими, так и неиндоевропейскими. По его мнению, язык-основа — это такая стадия развития, которую должны были пройти все языки в то время, когда они находились во взаимосвязи друг с другом. Индоевропейские языки представляют собой языковой союз.

В задачи ареальной лингвистики входят также проблемы языковой интерференции и языковой аттракции.

Одной из больших заслуг неолингвистики является открытие изоглосс в индоевропейском праязыке.

Тема: Социологическое направление. Концепция Ф. де Соссюра. Современный период лингвистики. Ларингальная теория. Языки «сатем» и «кентум». Семантические исследования. Продолжатели Ф. де Соссюра

Фердинанд де Соссюр (1857—1913), швейцарский лингвист, учился в Женеве, Лейпциге, где преподавали Лескин, Бругман, Остгоф, и в Берлине. В 1876 г. 19-летним студентом он написал *Исследование о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках*. В 1878 г., будучи студентом Лейпцигского университета, он написал *Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках* (к этой работе мы вернемся несколько позднее). С 1881 г. он преподавал германские языки, а позднее — сравнительную грамматику индоевропейских языков в Высшей школе в Париже, где у него учились А. Мейе, М. Граммон и др. В 1891 г. преподавал санскрит и сравнительную грамматику индоевропейских языков в Женевском университете. В 1906—1911 гг. три раза прочел свой курс по общей лингвистике. В числе его слушателей были Ш. Балли и А. Сеше, которые после смерти Соссюра в 1913 г. по записям лекций воссоздали *Курс общей лингвистики*. Подробно история создания этой книги представлена во вступительной статье А.А. Холодовича ко второму русскому изданию *Курса*.

Прежде чем начать изложение основных идей *Курса*, вернемся к *Мемуару*, где Соссюром впервые был осуществлен системный подход к анализу языковых фактов.

Исследователи индоевропейского вокализма выявили две системы чередования гласных — одну для кратких (е — о — ø) и другую для долгих (ā — ō — a), которые не могли получить единообразной интерпретации. Соссюр установил в индоевропейском

праязыке наличие сонантов, т.е. звуков, которые могли быть как слоговыми (по соседству с согласными), так и неслоговыми (по соседству с гласными). Далее (мы несколько упрощаем ход рассуждений Соссюра), он допустил, что наличие долгих гласных есть результат стяжения кратких гласных с соседним сонантом, который он условно обозначил как *A* и назвал сонантическим коэффициентом. (С примером стяжения мы знакомы по латинскому языку: *ogna+o = ognō*.) При этом Соссюр не пытался установить артикуляцию *A*. По словам Э. Бенвениста, «Соссюр рассуждает об этом *A* как о фонеме, а не как о каком-то звуке или какой-то артикуляции... Перед нами алгебраическая единица, член системы, то, что он позднее назовет различительной или оппозитивной сущностью».

Сонантический коэффициент *A* обращал гласный корня в гласный заднего ряда, а если в состав корня входил только *A*, он превращался в *a* или *ʔ*. Система чередований долгих гласных представлялась так:

$$e + A = \bar{a}; o + A = \bar{o}; A \rightarrow a (i).$$

Это выводило долгие гласные из первоначальной системы вокализма и давало более простое решение проблемы. А.А. Зализняк пишет, что заслуга Соссюра заключается в том, что «за видимым беспорядочным разнообразием индоевропейских корней и их вариантов скрывается вполне строгая и единообразная структура корня, а выбор вариантов одного и того же корня подчинен единым, сравнительно простым правилам». Тем не менее современники Соссюра не смогли понять этой простоты. Я.В. Лоя отмечает: «Ни Бругман, ни Фортунатов, ни Поржезинский, ни Гирт, ни даже ученик и преемник Соссюра — А. Мейе — предложению Соссюра не приняли». А по словам Э. Бенвениста, «матитые ученые того времени, уверенные в своей правоте, не желали внять его строгим доводам, и уже самая трудность восприятия *Мемуара* была достаточна для того, чтобы оттолкнуть большинство».

То же можно сказать и об основной работе де Соссюра. Ж. Мунен отмечает, что появление *Курса* не прошло незамеченным, но оценки современников были в основном критическими, поскольку они подходили к работе с позиций лингвистических идей того времени, не обратив внимания на новаторскую ценность работы.

Считается, что на концепцию Соссюра оказал определенное влияние Эмиль Дюркгейм (1858—1917), французский социолог и философ. Он полагал, что общество следует изучать как особую духовную реальность, основанную на общезначимых коллективных представлениях, или социальных фактах. Социальный факт существует объективно, независимо от членов общества и имеет принудительный характер: он навязывается человеческому сознанию коллективом, общественной средой.

Уже отмечалось, что Соссюр был знаком с работами Уитни, которого высоко ценил. Он был лично знаком с Бодуэном де Куртенэ, вел с ним переписку и, конечно, имел представление о его работах и работах Крушевского. Естественно, что все это определенным образом повлияло на взгляды швейцарского лингвиста.

Как же понимал Соссюр язык, это «самое парадоксальное в мире» явление? Бенвенист отмечает, что Соссюр — это «прежде всего и всегда человек, ищущий первоосновы... Рассматривая язык как речевую деятельность, в которой соединяется столько факторов — биологических, физических и психических, индивидуальных и социальных, исторических, эстетических, прагматических, — он задается вопросом: где же, собственно, сам язык?» И он показывает, что язык, с какой бы стороны к нему ни подходить, всегда есть объект **двойственный**, состоящий из двух сторон, каждая из которых существует лишь в силу существования другой. Самое простое в языке — звук — имеет две стороны: акустическую и артикуляторную. Но это двустороннее явление обязательно связано со значением. Кроме того, существует двойственность индивида и общества, языка и речи, материального и идеального (несубстанционального), ассоциаций (парадигматики) и синтагматики, системы и эволюции, синхронии и диахронии и т.д. Таким образом, язык предстает как явление многоликое. И в нем весьма затруднительно выделить единый предмет, поскольку это не акустика, не физиология, не психология, не антропология, не

грамматика. Единственный выход заключается в том, что нужно «с самого начала встать на почву **языка** и считать его нормой для всех проявлений речевой деятельности». И в заключение *Курса* Соссюр говорит: «Единственным и истинным объектом языкознания является язык, рассмотренный в самом себе и для себя».

И здесь начинаются все непонимания и недопонимания Соссюра. Для того чтобы определить предмет лингвистики, Соссюр использует три понятия, выражаемые во французском языке словами *langage*, *langue* и *parole*.

В большинстве языков различаются слова *язык* и *речь* (*ἰλωσσα* и *λογοζ*, *lingua* и *sermo*, *language* и *speech*, *Sprache* и *Rede* и т.д.). Иначе говоря, во всех языках проводится различие между «языком» как системой лингвистических фактов и «речью» как названием определенного действия. То, что акты говорения осуществляются на основании каких-то закономерностей, явилось основой, на которой строились описания языка. Б.А. Серебренников отмечает: «попытки выделить в языке какую-то общую схему, установить некий общий набор каких-либо правил, управляющих многочисленными проявлениями узуса, возникли задолго до постановки проблемы языка и речи в теоретическом плане. Наглядным примером могут служить многочисленные описательные грамматики различных языков». Во французском же языке (как в испанском и итальянском) существуют **два однокоренных синонима** *langage* и *langue*, которые оба могут означать «язык». Соссюр придает этим синонимам **терминологическое различие**, обозначая первым «систему выразительных возможностей данного народа» (Лоя), или «совокупность языковых явлений» (Холодович). Известно, что этот термин переведен на русский язык как «речевая деятельность». Холодович отмечает, что данный перевод плохо отражает существо дела. Однако он прочно укоренился в сознании читателей русского перевода и по существу потерял свою внутреннюю форму; предлагаемый же в качестве конкурента перевод «совокупность языковых явлений» невероятно громоздок, нетерминологичен и просто плохо вмещается почти во все 49 контекстов *Курса*, где встречается *langage*.

Упомянутое терминологическое различие, введенное Соссюром, состоит в том, что понятие «язык» (*langue*) не совпадает с понятием «речевая деятельность» (*langage*). «Речевая деятельность» в целом многообразна и разнородна. Ее нельзя отнести ни к одной категории явлений человеческой жизни. «Язык» есть только **часть**, притом важнейшая, «речевой деятельности». «Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе». Таким образом, язык — это **не деятельность** говорящего. Это **готовый продукт**, пассивно регистрируемый говорящим.

Итак, язык — это нечто вполне определенное в разнообразии фактов речевой деятельности. Он представляет собой **социальный аспект** речевой деятельности — внешний по отношению к индивиду, который не может ни изменять его, ни создавать. Язык существует лишь благодаря своеобразному **договору**, заключенному между членами сообщества. Чтобы «войти» в язык, нужно ему обучиться. При этом «вхождение» в родной язык происходит непреднамеренно, бессознательно — ребенок овладевает языком.

Наоборот, речь «есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации».

Это противопоставление, или пресловутая дихотомия, и явилось основной мишенью в большинстве нападок на Соссюра. Широко распространенным является утверждение о том, что Соссюр «отделил» (в более резком выражении — «оторвал») язык от речи. По крайней мере именно так начинаются многочисленные комментарии к Соссюру и именно так начинают свои ответы студенты. Для чего же все-таки понадобилось Соссюру «отрывать» язык от речи? Когда мы слышим подобные заявления, мы всегда

представляем себе некоего «злого мальчика», который, поймав муху, начинает отрывать ее лапки и крылышки. Что же все-таки «отрывал» Соссюр?

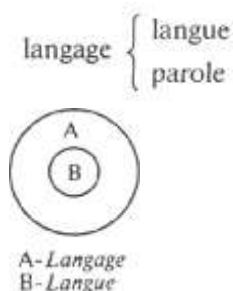
Прежде всего следует отметить, что соссюрская *речь* вовсе не сводится к отдельному *речевому акту*, как считают некоторые: «Речь — сумма всего того, что говорят люди; она включает:

а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих;

б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций... В речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны; здесь нет ничего, кроме суммы частных случаев по формуле:

$(1 + 1' + 1'' + 1''' + \dots)$ ».

«Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуально-го; 2) существенное от побочного и более или менее случайного». Это, как и ряд других противопоставлений характера языка и характера речи, и представляет собой основание для многочисленных упреков в адрес Соссюра по поводу «отрыва» языка от речи. Действительно, если рассматривать их в таком плане, то между ними не оказывается ничего общего. Однако большинство критиков не обращают почему-то внимания на небольшую логическую «неувязку»: противопоставляемые *langue* и *parole* суть члены деления **единого общего** понятия *langage*: «Мы прежде всего выделяем внутри общего явления, каким является *речевая деятельность*, две ее составляющих: *язык* и *речь*». Схема соотношения основных понятий представлена Соссюром в таком виде:

В этой схеме явно видно, что мы имеем дело с обычным подчинением понятий: объем понятия *langue* входит в объем понятия *langage*. При этом следует иметь в виду, что $langage = T, parole$. Таким образом, «основополагающее уравнение», по словам Г. Гийома, имеет вид:

$Langage = langue + parole$, т.е.

«Речевая деятельность» = «язык» + «речь»,

и наоборот: «Язык для нас — это речевая деятельность минус речь».

Нужно также помнить, что дихотомия есть деление объема одного **понятия** на два входящих в этот объем противоречащих понятия, т.е. дихотомия — это две части одного целого, и никакого «отрыва» здесь не предполагается. Можно добавить к этому следующее высказывание А.А. Холодовича: «При любой интерпретации, за исключением **безответственных лингвистов** (выделено нами. — Ю.Л., Н.Б.), никто не отрицал наличия той кардинальной дихотомии, на которую расщепляется речевая деятельность человеческого общества».

Таким образом, Соссюр не отделяет («отрывает») язык (*langue*) от речи (*parole*), а **выделяет** язык (*langue*) из речевой деятельности (*langage*), которая представляет собой полную совокупность, сумму всех актов речи (*parole*). Более того, Соссюр отмечает, что язык и речь **тесно связаны**: язык необходим, чтобы речь была понятна и эффективна; речь необходима для того, чтобы сложился язык. Однако, хотя язык является одновременно и орудием, и продуктом речи, это не мешает языку и речи быть совершенно различными вещами.

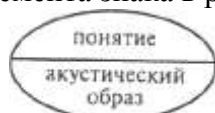
Мы подробно остановились на этом, первом и главном, «отрыве» Соссюра, потому что на нем основываются и из него следуют и все остальные «отрывы», так интенсивно

навязываемые Соссюру. И первый из них — разделение предмета лингвистики, или, точнее, лингвистики, на две различные части: на лингвистику языка и лингвистику речи. Последнюю, по словам Соссюра, нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, «с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык». Именно этой лингвистике и посвящен *Курс*.

В свою очередь, в лингвистике языка можно выделить два аспекта — внешнюю и внутреннюю лингвистику. Первая рассматривает язык в связи с народом, его культурой и историей, географическим распределением языков, соотношением литературного языка и диалектов — всего того, что представляет собой внешние условия существования языка. Внутренняя лингвистика имеет своим предметом **устройство** языка.

Прежде всего язык — это форма, а не субстанция. Мышление, с одной стороны, и звуковой материал — с другой, представляют собой аморфные, пластичные массы. Язык выступает в качестве посредствующего звена между мыслью и звуком, «притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц... Соотношение "мысль — звук" требует определенных членений, и язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс». Таким образом, сфера деятельности лингвиста — это «пограничная область, где сочетаются элементы особого рода; *это сочетание создает форму, а не субстанцию*».

По своему устройству язык представляет собой **систему знаков**, в которой «единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной степени психичны»:

Однако поскольку в обычном употреблении термин *знак* используется для обозначения только акустического образа, Соссюр предпочитает сохранить слово *знак* для всего целого, а *понятие* и *акустический образ* заменить соответственно на *означаемое* и *означающее*.

Одним из основных свойств знака является его **произвольность**, т.е. немотивированность. Соединение означающего и означаемого не обусловлено никакими внешними причинами. Однако, образовавшись, языковой знак становится **обязательным** для всех членов данного коллектива. В процессе развития языка может произойти постепенный сдвиг между означаемым и означающим, т.е. знак оказывается изменчивым.

Другим важным свойством языкового знака является линейный характер означающего. От этого зависит «весь механизм языка». Поскольку языковые знаки не единственны в своем роде, Соссюр предлагал выделить особую науку, *семиологию*, которая занималась бы изучением «жизни знаков в рамках жизни общества». Как известно, в настоящее время существует такая наука, называемая *семиотикой*.

Элементы языка не обособлены друг от друга: они образуют систему, где каждый элемент соотносится с другими и его характер определяется этими отношениями. «Взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьезным заблуждением. Определять подобным образом член системы — значит изолировать его от системы, в состав которой он входит. Это ведет к ложной мысли, будто возможно начинать с членов системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до составляющих его элементов».

Системность языковых знаков проявляется в виде **значимости**, которую Соссюр отличает от значения. Значимость слова, в отличие от значения, определяется отношением этого слова с другими. Иными словами, различается абсолютное значение слова, которое определяется положительно, по содержанию, через отношение к обозначаемому предмету; и относительное значение, «корректируемое» применительно к языковой системе, по отношению к другим словам. Это отличие разъясняется на примере французского слова

mouton и соответствующего ему английского слова *mutton*. Дело в том, что французское слово *mouton* может означать как «баранина», так и «баран», тогда как в английском эти значения распределяются между словами *mutton* и *sheep*.

Языковая система характеризуется двумя основными отношениями между элементами: **синтагматическими** и **ассоциативными**. Последние позднее были названы **парадигматическими**.

Еще один «отрыв», приписываемый Соссюру, связан с различием **синхронии** и **диахронии**. Под синхронией понимается состояние языка в некий промежуток времени, а под диахронией — последовательность языковых явлений во времени. В противоположность младограмматикам Соссюр утверждал, что синхронический аспект важнее диахронического, поскольку для говорящих он представляет собой подлинную реальность. Именно в синхронии язык представляет собою систему. Изменения в языке, происходящие в диахронии, по мнению Соссюра, не имеют системного характера, так как они касаются лишь отдельных явлений (например, звуковых изменений). Методы синхронного и диахронного анализа языковых фактов должны быть различными.

В этом увидели «отрыв» состояния языка от процесса его развития, т.е. стали относить соссюровское противопоставление из области метода в область существования (онтологии), чего сам Соссюр никогда не имел в виду. В самом начале своего *Курса*, характеризуя многоаспектность «речевой деятельности», т.е. языка-объекта, он отмечал: «В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление и продукт прошлого. На первый взгляд это различие между системой и историей, между тем, что есть, и тем, что было, представляется весьма простым, но в действительности и то и другое так тесно связаны между собой, что разъединить их весьма затруднительно». Как можно усмотреть в этом «отрыв» — непонятно.

Таковы основные положения концепции Фердинанда де Соссюра. Строго говоря, Соссюр «вырос» из классического младограмматизма — его *Мемуар* посвящен фонетической структуре индоевропейского корня и представляет собой описание огромного корпуса известных к тому времени фактов. Однако Соссюр совершил «непростительный» для классического младограмматизма поступок: он свел все рассмотренные факты в **единую систему**, а кроме того, ввел в эту систему гипотетический элемент, которого никто никогда не наблюдал. Очевидно, младограмматические «корни» повлияли на то внимание, которое Соссюр уделил языковой **форме**.

Как уже отмечалось, оценки его работы были весьма разнообразными. Самое главное заключается в том, что, по словам А.А. Холодовича, это, может быть, наиболее критически читаемый лингвист. Поэтому вполне естественно, что, с одной стороны, отмечается: «Возможно, 1916 г. был таким же поворотным пунктом в нашей науке, как 1786 г.», а с другой — полагают, что неправомерно было бы сказать: наконец появился Соссюр. «Соссюр не был единственным. Как бы значительна ни была его теория, как бы глубоко ни было его влияние, но воздвигнуть ему гигантскую одинокую статую в центре пустынного перекрестка 1916 г. значило бы упростить историю». Или, по словам Е.Д. Поливанова, в книге Фердинанда де Соссюра нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ.

Критики Соссюра называют его многочисленных предшественников, идеи которых оказали (или могли оказать) влияние на швейцарского лингвиста, однако, как справедливо отмечает Холодович: «Мы не сторонники того, чтобы считать задачу понимания Соссюра решенной, растащив его идеи по частям. Растащить его по частям, разумеется, можно, но из полученных кусков Соссюра не сшить... Сведение Соссюра к другим авторам не дает нам понимания, почему он оказался властителем умов лингвистов XX века и остался им даже тогда, когда его система взглядов стала историей, тогда как все, кто питал его идеями, и даже наиболее близкий ему Бодуэн де Куртенэ, не произвели такого потрясения умов». И.Б. Долинина пишет: «Многие идеи Уитни являются источником идей Ф.

де Соссюра, однако роли творчества Соссюра это нисколько не умаляет, поскольку, основываясь на этих идеях, он дошел до таких обобщений, касающихся природы языка, его устройства и законов функционирования, какие Уитни сделаны не были».

Уже отмечалось, что современники встретили работу Соссюра скептически. Понимание пришло лишь в середине XX в. Приведем несколько высказываний.

«Среди ученых, которые в период с 1875 по 1880 г. обновили сравнительную грамматику индоевропейских языков, никто не дал такого количества новых идей, как Фердинанд де Соссюр, и никто не оказал столь же глубокого влияния на последующие исследования» (Мейе).

«Ни один лингвист, озабоченный принципами и методами своей науки, не может больше работать так, как если бы «Курса» не существовало» (Мальмберг).

«Он дал нам теоретическую основу науки о человеческой речи» (Блумфилд).

«Соссюр, по сути дела, **открыл язык как таковой**; одновременно он показал, что современная ему лингвистика изучала не язык, а речь, и тем самым обходила "свой единственно подлинный предмет"» (Ельмслев).

«Ныне нет лингвиста, который не был бы хоть чем-то ему обязан. Нет такой общей теории, которая не упоминала бы его имени... Роль Соссюра как зачинателя признана всеми течениями, существующими в современной лингвистике, всеми школами, на которые она делится» (Бенвенист).

По словам Г. Хельбига, с Соссюром ведущая роль в языкознании перешла от Германии к другим странам.

После опубликования *Курса* лингвистика вступила в **современный период**.

Современный период истории языкознания отмечен, кроме *Курса общей лингвистики*, расшифровкой памятников хеттского языка, обнаруженных во время раскопок в начале XIX в. недалеко от Анкары. Были найдены развалины столицы хеттского государства, существовавшего в 18-м тысячелетии до нашей эры, с остатками архива, содержащего около 30 тысяч глиняных табличек с клинописными текстами. Расшифровать тексты удалось Бедржиху Грозному (1879—1952), доценту Венского университета. Было установлено, что хеттский язык является индоевропейским, но более архаичным, нежели санскрит. Это дало возможность установить более древние пра-формы. В числе прочих признаков в нем сохранился ларингальный А, которого не было в других индоевропейских языках: *hauas* — *avis* (лат. «овца»), *hulena* — *ulana* (лат. «шерсть») и т.д.

В 1927 г. польский лингвист Ежи Курилович показал, что открытая в хеттском языке фонема *h* соответствует одному из сонантических коэффициентов, установленных Соссюром. Это было блестящим подтверждением открытия Соссюра, которое стали сравнивать с открытием Нептуна астрономом Леверье. Позднее оказалось, что подобные явления имеются и в других языках — греческом, армянском и др. А затем выяснилось, что многие другие индоевропейские языки дают вполне надежный материал для восстановления исчезнувших ларингалов.

Так сформировалась ларингальная теория, возникшая у Соссюра как чисто структурное исследование в рамках теории индоевропейского корня. В последнее время считается, что исчезновение ларингалов произошло достаточно поздно — в период самостоятельного развития отдельных индоевропейских языков.

В связи с тем как сложилась судьба заднеязычных согласных, все индоевропейские языки были разделены на две группы — «сатем» и «кентум». Это обозначение для различия языков было введено в 1888 г. немецким лингвистом Петером фон Брадке (1853—1897). Различие (как и названия) было обусловлено тем, как произносится согласный в слове *сто*: начинается ли оно на шипящий или свистящий либо на велярный. К группе «кентум» относятся германские, кельтские, италийские и греческий языки, к группе «сатем» — индийские, иранские, славянские, балтийские, албанский и армянский. Позднее было установлено, что эти две группы языков различаются и целым рядом морфологических признаков.

Семантические исследования. Прежде чем говорить о продолжении и развитии идей Соссюра, остановимся еще на одном моменте, характеризующем современный период развития лингвистики.

Как уже было показано, лингвистические исследования сосредоточивались главным образом на фонетике и морфологии. Интерес к смысловой стороне слова проявлялся гораздо слабее. Одними из первых проявили интерес к семантике Жам Дармстетер (1849—1894) и Мишель Бреаль (1832—1915), который ввел в лингвистический обиход само наименование *семантика*, а также ряд некоторых других исследователей. В современный период появляется новый метод исследования семантики — *метод семантического поля*. Само понятие «семантическое поле» связывается с учением Гумбольдта о внутренней форме языка, о языковом мировидении. В практическом плане предшественниками теории семантического поля можно, вероятно, считать Гуго Шухардта. Семантическое поле языка в целом представляет собой, по словам Ю.Н. Караулова, «иерархическую систему последовательного членения лексического состава языка сверху донизу, вплоть до отдельного слова, таким образом, чтобы полученная картина без пробелов покрывала сферу человеческого опыта, закрепленную в родном языке».

В 1931 г. вышла первая работа Йоста Трира (1894—1970) *Немецкий словарный состав в аспекте понимания*. Отдельные семантические поля представляют собой тематические группы слов, которые не являются этимологически родственными, но связаны с определенными предметными или понятийными областями — обозначения цвета, названия одежды, мебели, термины родства и т.д., и т.п. Слова как элементы семантического поля взаимно определяют границы друг Друга, т.е., пользуясь терминологией Соссюра, характеризуются своими значимостями. Семантическое поле как совокупность понятий, относящихся к какой-либо определенной области, рассматривается как общечеловеческое (универсальное) явление. Однако состав слов, входящих в это поле для обозначения соответствующих предметов и понятий (структура поля), специфичен в каждом отдельном языке.

В настоящее время существует большое число работ, так или иначе связанных с понятием семантического поля.

Продолжатели идей Ф. де Соссюра. Как уже отмечалось, влияния Идей де Соссюра не избежал ни один современный лингвист. Тем не менее можно назвать ряд исследователей, развивавших его учение в разных аспектах. Развитие социологического подхода к языку продолжается в работах парижских учеников Соссюра — А. Мейе, Ж. Вандриеса и других. Основные идеи общей лингвистической концепции Соссюра развивают его женевские ученики, непосредственные составители *Курса*, Ш. Балли, А. Сеше, а также С.О. Карцевский.

Идеи синхронного и структурного изучения языка получили развитие в структуралистском направлении. И, наконец, можно назвать имена А. Гардинера и К. Бюлера, работавших в области основной дихотомии Соссюра.

Антуан Мейе (1866—1936) — непосредственный ученик Фердинанда де Соссюра, который в целом оставался ученым более традиционного склада, в основном — компаративистом. Он долгое время был секретарем Парижского лингвистического общества, т.е. признанным главой французской лингвистики. Был также членом-корреспондентом русской Академии наук. Мейе занимался исследованиями почти по всем индоевропейским языкам и написал 24 книги и 540 статей. При этом интересно отметить, что на русский язык переведено гораздо больше его работ, нежели трудов каких-либо других лингвистов. По словам М. Сергиевского, «редкий лингвист, работавший в области индоевропейских языков, не ссылаясь в своих работах на труды и мнения Мейе». Его работа *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, вышедшая в свет в 1903 г., была посвящена двадцатипятилетней годовщине издания соссюровского *Мемуара*. Эта работа Мейе издавалась в русском переводе три раза (с 1911 по 1938 г.). Кроме нее на русский язык были переведены *Общеславянский язык* (1951 г.), *Основные особенности германской группы*

языков (1952 г.) и *Сравнительный метод в историческом языкознании* (1954 г.).

Понятие языкового родства Мейе определяет так: «Два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюции одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше». Однако восстановления этого «раннего» языка нельзя достигнуть в результате сравнения языков-потомков между собой. Единственная реальность, с которой мы можем иметь дело, — это «соответствия между засвидетельствованными языками». Применение сравнительно-исторического метода не поможет восстановить индоевропейский праязык «в том виде, как на нем говорили». «Соответствия предполагают общую основу, но об этой основе можно составить себе представление только путем гипотез, ... которые проверить нельзя, поэтому только одни соответствия и составляют объект науки». Таким образом, по мнению Мейе, то, что называют индоевропейским праязыком, представляет собой систему соответствий.

Мейе не считал индоевропейский праязык существовавшим в ограниченной области, таким, каким считал его Шлейхер, допуская возможность его реконструкции. Наоборот, этот язык должен был состоять из различных диалектов, распространенных на большой территории. По своей структуре этот язык был не более примитивным, нежели, например, древнеегипетский или древневавилонский.

Мейе считается основателем французской социологической школы. В аспекте социологическом он неоднократно повторял, что язык представляет собой социальный факт, что без общества языка быть не может так же, как и общества без языка. Все языковые явления обусловлены социальными факторами. Фонетические законы — это не основная движущая сила языковых изменений, а лишь их результат, и изменения вызваны причинами общественного порядка. Не физиологические или психологические причины, а изменения общественной структуры являются определяющими в языковых изменениях, ибо и физиологические, и психологические условия человеческого существования повсюду одинаковы.

Одним из важнейших факторов языкового развития, наряду с фонетическими изменениями, являются заимствования, обусловленность которых чисто социальна.

Распространение тех или иных языковых инноваций может происходить только в том случае, если они отвечают сложившейся потребности всего коллектива.

Большое значение Мейе придавал процессам языкового смешения.

Вопросы синтаксиса были, как отмечают, за пределами интересов Мейе, тем не менее он впервые дал формальное и структурное определение предложения: «Предложение может быть определено как группа связанных между собою грамматическими отношениями артикуляций, которые, не завися грамматически ни от одной другой группы, довлеют сами по себе». Позднее к этому определению полностью присоединился Л. Блумфилд.

Идеи Антуана Мейе продолжали и развивали его многочисленные ученики: Ж. Вандриес, М. Граммон, М. Коэн, О. Соважо, А. Мартине, Э. Бенвенист и др. Он оказал влияние и на ученых за пределами Франции: Е. Куриловича, А. Соммерфельта, Л. Ельмслева, В. Брендаля.

«Распределяя роли» французских лингвистов, Н.А. Слюсарева считает, что основателем французской лингвистической школы был М. Бреаль, Ф. де Соссюр упрочил интерес к индоевропейской проблематике и заложил основы понимания языка как системы, все члены которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, а в XX в. А. Мейе возглавил социологическое направление.

Жозеф Вандриес (1875—1960), непосредственный ученик Антуана Мейе, профессор индоевропейского языкознания, специалист в области классических и кельтских языков. Его работа *Язык. Лингвистическое введение в историю* (1937) представляет собой курс общего языкознания, в котором отражены взгляды французской школы на основные проблемы лингвистики.

Язык — это социальный факт. Он образовался в обществе. «Язык возникает от со-

прикосновения нескольких существ, владеющих органами чувств и пользующихся для своего общения средствами, которые им дает природа». При этом язык понимается достаточно широко: «Мы имеем дело с языком всякий раз, когда два индивидуума условно придают определенный смысл данному действию и совершают это действие с целью взаимного общения». Однако доминирующую роль играет «слуховой» язык.

Языком обладают и животные, но язык животных чисто ситуативен: он предполагает «неразрывное соединение знака и обозначаемой им вещи». Специфика человеческого языка в «разрыве этого соединения».

Вандриес повторяет мысль Гумбольдта о том, что, с одной стороны, существует столько же разных языков, сколько говорящих, а с другой — существует «только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу». Иными словами, различие между языком и языками заключается в том, что «язык — это совокупность психических и физиологических приемов, используемых человеком при говорении; языки же — это практическое применение этих приемов».

Язык — это самая прочная связь, которая соединяет членов группы. У каждого члена такой группы есть ощущение, что он говорит на «своем», правильном, образцовом языке. Однако, отмечает Вандриес, мы нигде не найдем образцового языка, если вздумаем его искать.

В связи с этим представляют интерес предлагаемые Вандриесом функциональные различия в употреблении языка. «Человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других и выразить свои собственные чувства. Таким образом, беря за основу школьное деление на ум, волю и чувство, следует различать друг от друга языки логический, волевой и аффективный».

Фонетические новации могут иметь индивидуальное происхождение, но они получают распространение в том случае, когда соответствуют потребностям языкового коллектива.

Между языком и мышлением, между уровнем развития данного народа и характером его языка нет никакой прямой связи. «Мы не имеем права считать отвлеченный и рассудочный язык более совершенным, чем язык конкретный и мистический». Состав и характер грамматических категорий определяются общественными условиями жизни. Прогресс языка заключается в том, насколько он приспосабливается к потребностям говорящих.

Язык существует «в глубинах индивидуального сознания», которое представляет собой лишь часть коллективного сознания, диктующего свои законы индивидууму.

Для понимания языка следует изучать его в современном состоянии.

В процессе развития языков наблюдаются две противоборствующие тенденции: к дифференциации и к унификации.

Важным фактором в развитии языков является смешение, однако наличие иностранных элементов не препятствует тому, чтобы язык оставался самим собой.

Женевская школа объединяет учеников Фердинанда де Соссюра, прежде всего Ш. Балли и А. Сеше, подготовивших и издавших курс лекций своего учителя. Они, как и их ученики, продолжали и развивали основные идеи *Курса общей лингвистики*.

Шарль Балли (1865—1947) унаследовал чтение курса общего языкознания после ухода Соссюра. Он был не менее популярен, нежели его учитель. Еще в 1909 г. Балли издал солидный труд *Французская стилистика*, в 1913 г. вышла в свет книга *Язык и жизнь*. Третья его большая работа, самая известная, — *Общая лингвистика и вопросы французского языка* (1932 г.). Рассмотрим основные положения последней.

Балли разделяет взгляды своего учителя, тем не менее он дает им несколько иную интерпретацию. Рассматривая язык как систему, Балли показывает, что приводит к постоянному нарушению «равновесия» этой системы. Если Соссюр указывает, что исторически речь предшествует языку, то Балли отмечает, что при употреблении языка происходит обратное — превращение языка в речь. Именно живая речь должна быть основным

предметом синхронного изучения языка. Именно в живой речи берут начало все тенденции к изменениям, к сдвигам между означающим и означаемым и т.д. Иными словами, если в центре внимания Соссюра находится **устройство** языковой системы, то Балли обращается к ее **функционированию**. Отсюда — его теория актуализации, или «превращения языка в речь».

В речи происходит соотнесение понятий, существующих в сознании, с предметами и явлениями реальной действительности, осуществляется конкретизация этих понятий. «Актуализировать понятие — значит отождествить его с **реальным** представлением субъекта». Актуализация понятий осуществляется в процессе человеческой речи, которая по своему содержанию всегда конкретна. Для осуществления актуализации в языке существуют актуализаторы, т.е. «различные приемы, употребляемые для превращения языка в речь, или, иначе говоря, чтобы **связать** виртуальные понятия с соответствующими им в действительности предметами или процессами, чтобы превратить виртуальное понятие в актуальное».

О «речевой», функциональной направленности лингвистики Балли свидетельствует тот факт, что помимо формальных языковых средств к актуализаторам он относит также жесты, мимику и интонацию. В результате актуализации «одно или несколько слов, выражающих какое-либо представление, становится предложением (предложение является по преимуществу актом речи)».

Предложение, по Балли, — это форма **сообщения** мысли. Мыслить же — значит «реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая... В первом случае выражается суждение о факте, во втором — суждение о ценности факта, в третьем — проявление воли... Таким образом, мысль нельзя свести к простому представлению, исключаяющему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта». «Активное участие» говорящего проявляется в том, что он стремится к экономии средств для выражения сообщаемого. Этому во многом способствует и язык, который «служит потребностям общества в том случае, если он позволяет передавать мысль с максимумом точности и минимумом усилий для говорящего и слушающего».

Минимализация усилий приводит к тому, что в предложении получает выражение далеко не все, что имеет в виду говорящий. В связи с этим Балли рассматривает семантическую структуру «эксплицитного» предложения, т.е. такого предложения, в котором **все выражено**. В этом плане эксплицитное предложение обязательно состоит из двух частей: «Одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, «дождь», «выздоровление»); по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит **модальный глагол** (например, *думать, радоваться, желать*), а его субъектом — **модальный субъект**; оба они вместе образуют модус, дополняющий диктум». Очевидно, что Балли, с одной стороны, возвращается к идее Абеяра о делении предложения на модус и диктум, а с другой — продолжает традиционную тему эллипсиса. В работе рассматриваются способы выражения модуса и включения его в состав предложения.

Наряду с указанными проблемами Балли разработал и теорию грамматической **транспозиции**, под которой он понимал формальные переходы одних частей речи в другие и используемые для этого грамматические средства.

Альбер Сеше (1870—1956) — ученик Соссюра, второй создатель *Курса*. Его основная работа — *Исследование логической структуры фразы* (1926 г.). Центральная идея работы заключается в том, что грамматическая форма предложения часто не соответствует процессу мышления, его логической форме. Что касается отношения к идеям Соссюра, то ему посвящена статья *Три соссюровских лингвистики* (1940 г.). В этой работе Сеше, как и Балли в своей, приходит к лингвистике речи. Однако если Балли идет от дихотомии «язык — речь», то исходным пунктом Сеше является дихотомия «синхрония — диа-

хрония».

Прежде всего Сеше останавливается на роли *Курса* как произведения «непреходящей ценности, к которому еще долго будут прибегать». Но, с другой стороны, Сеше отмечает, что работа Соссюра вошла в науку «в форме явно черного наброска» и что сам учитель «никогда бы не согласился на издание своих лекций в таком виде». Поэтому ряд моментов требует уточнения и доработки.

Две соссюрские дихотомии позволяют противопоставлять не четыре, а три лингвистики: лингвистику синхроническую, или статическую, и лингвистику историческую, или эволюционную. «Между ними помещается лингвистика речи, объектом которой служат явления промежуточные между синхроническими и диахроническими факторами». Речь имеет отношение одновременно «и к синхронии, так как она базируется на определенном языковом состоянии, и к диахронии, так как речь уже содержит в зародыше все возможные изменения».

Разделив лингвистику на лингвистику языка и лингвистику речи, Соссюр основное внимание уделил лишь первой. Сеше полагает, что более правильным наименованием для второй было бы «лингвистика организованной речи». Она должна изучать функционирование языка в условиях жизни человеческого общества.

Функционирование языка предполагает наличие говорящего и слушающего. Задача первого — отбор и комбинация языковых и неязыковых средств для выражения сообщения и воздействия на слушающего. Задача слушающего — анализ, классификация и интерпретация. Сеше отмечает два случая, когда исследователь, «сам того не зная», занимается лингвистикой организованной речи. Во-первых, это планомерное исследование стиля того или иного автора, во-вторых, — наблюдение и изучение детской речи. Таким образом, указываются два направления будущей лингвистики организованной речи, понятием которой мы обязаны Соссюру: лингвистика текста и психолингвистика.

«Второе поколение» Женевской школы представлено учениками Балли и Сеше — А. Фреем, С.О. Карцевским и Р. Годелем.

Анри Фрей (1899—1980) разрабатывал функциональный подход к языку. Его работа *Книга двух тысяч предложений* (1953 г.) содержит обоснование необходимости идеографического словаря наиболее употребительных предложений французского языка. Он также предложил термин *монема* для обозначения минимальной, неделимой единицы содержания.

Сергей Осипович Карцевский (1884—1955), русский эмигрант. В статье *Об асимметрическом дуализме языкового знака* (1927 г.) показал, что изменения в языковой системе происходят благодаря тому, что означающее и означаемое языкового знака двигаются независимо друг от друга по двум линиям — омонимии и синонимии.

Роберт Годель (1902—1989) может быть назван «главным архивариусом» Женевской школы. Он много работал над архивами Фердинанда де Соссюра. Его труд *Источники рукописи «Курса общей лингвистики Ф. де Соссюра»* (1957 г.) представляет собой итог колоссальной работы по изучению конспектов и записей Соссюра. *Хрестоматия трудов Женевской лингвистической школы* (1969 г.) является антологией работ представителей этой школы.

Представитель «третьего поколения» **Рудольф Энглер** (р. 1930), ученик Годеля, издал в 1967—1974 гг. *Курс общей лингвистики*. В этом издании каждое предложение сопровождается параллелями из всех записей студентов и автографов Соссюра. В 1968 г. он составил *Словарь терминов Соссюра*.

Тема: Структурализм. Общие положения. Школы структурализма. Пражский лингвистический кружок. Глоссематика

Название *структурализм* было использовано большим количеством различных

лингвистических школ, поэтому следует иметь в виду, что он получает несколько различный смысл в разных контекстах. Удобнее всего предварительно провести сначала различие между европейским и американским структурализмом, а затем рассматривать их по отдельности.

Обычно считается, что начало европейского структурализма датируется 1916 г., когда вышел в свет *Курс общей лингвистики* Ф. де Соссюра. Под языком Соссюр понимал систему, т.е. совокупность правил и моделей образования языковых высказываний; под речью, или языковым поведением, — сами актуальные высказывания.

Общие положения для всех школ структурализма: 1) единственный предмет лингвистики — язык; 2) язык есть система, имеющая собственный порядок; 3) система основана на отношениях; 4) язык — форма, а не субстанция.

«Структурализм» в европейском понимании означает, что существует абстрактная реляционная структура, или система, лежащая в основе всех актуальных высказываний, и ее следует отличать от этих актуальных высказываний. На базе этой системы основывается все актуальное поведение. Система и представляет собой главный предмет исследования для лингвиста.

Отсюда — два важных вывода: первый, что структурный подход в принципе не ограничивается только синхронической лингвистикой; второй, что не только изучение фонологии и грамматики может быть структурным, но и изучение смысла. В обоих случаях «структурализм» противопоставляется «атомизму» в европейской литературе.

Именно Соссюр в *Курсе* провел терминологическое различие между синхронической и диахронической лингвистикой. Однако его учение в этом аспекте не принимается всеми исследователями, и вскоре структурный подход начинает применяться и в диахронических исследованиях.

Основные школы структурной лингвистики в Европе первой половины XX в. — это Пражская и Копенгагенская. Лондонская школа меньше придерживалась взглядов Соссюра, но в общем смысле этого слова ее подход также можно охарактеризовать как структуралистский.

Пражская лингвистическая школа (Пражский лингвистический кружок) основана в 1926 г. **Вилемом Матезиусом** (1882—1945), англистом и специалистом по общему языкознанию, и **Романом Осиповичем Якобсоном** (1896—1982), который работал тогда в Праге. Члены кружка: **Богумил Трнка** (1895—1984), **Богуслав Гавранек** (1893—1978) **Ян Мукаржовский** (1891—1975), **Йозеф Вахек** (р. 1909), **Йозеф Мирослав Коржинек** (1899—1945), **Владимир Скаличка** (1908—1991), **Николай Сергеевич Трубецкой** (1890—1938), **Сергей Осипович Карцевский** (1884—1955). Г. Хельбиг считает, что Трубецкой и Якобсон принесли с собой в Прагу некоторые элементы русской интеллектуальной культуры.

Основным изданием были *Труды Пражского лингвистического кружка* (8 сборников), а с 1935 г. — журнал *Слово и словесность*. В работе Пражского кружка (в публикациях и заседаниях) участвовали известные лингвисты многих стран: К. Бюлер (Австрия), Г. Улашин и В. Дорошевский (Польша), Л. Теньер и А. Мартине (Франция), А.Ф. де Гроот (Голландия), Л. Ельмслев (Дания), Д. Джоунз (Англия), Л. Блумфилд (США), Е.Д. Поливанов, Г.О. Винокур, Б.В. Томашевский, Н.Н. Дурново, Ю.Н. Тынянов (Россия).

Пражский структурализм называют также «функциональной лингвистикой». По словам Г. Хельбига, функциональная лингвистика, больше, чем другие школы структурализма, связана с традицией, поскольку функция выявляется через значение. Основные теоретические положения были изложены в *Тезисах Пражского лингвистического кружка*, опубликованных в 1929 г. к первому съезду славистов.

Прежде всего язык понимается как **«система средств выражения, служащая какой-то определенной цели. Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой этот язык принадлежит»**. Таким образом, понятие «функции», употребляемое в разных школах структурализма, у пражцев используется не в математическом

смысле «зависимость», а означает «задача» или «цель». (В подобном значении употребляет это понятие К. Бюлер, говоря о трех аспектах речевого выражения: коммуникативном, экспрессивном и апеллятивном.)

Соссюровская дихотомия языка и речи получает различные интерпретации, которые можно свести к тому, что речь — это объект **наблюдения**, а язык — результат **анализа**, абстракции, что язык — это **возможность** речи, а речь — **реализация** языка. В целом, очевидно, это никак не противоречит схеме Соссюра.

По поводу противопоставления синхронии и диахронии в *Тезисах* говорится: «Нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала Женевская школа... Диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным... С другой стороны, и синхроническое описание не может целиком исключить понятия эволюции».

«Функционализм» пражцев особенно проявился в разработке вопросов функционального расслоения литературного языка. Развивая идею, высказанную еще В. фон Гумбольдтом, они сформулировали и разработали теорию «функциональных стилей». Мы заключили этот термин в кавычки, поскольку он представляется нам не вполне понятным. Прежде всего в силу беспредельной многозначности самого слова *стиль*, которое фактически может означать все что угодно. Кроме того, если стиль вообще представляет собой какой-то характерный способ, манеру какой-либо деятельности, то он уже сам по себе функционален. Таким образом, «функциональный стиль» представляет собой «функциональность в квадрате». Недаром Я. Мукаржовский отмечает, что для него противопоставление «стиль — язык» представляется неясным, а Б. Гавранек предлагает использовать название «функциональный диалект» — термин более однозначный. Следует отметить, что в настоящее время используются понятия «функциональный язык», или просто — «подъязык». Тем не менее, говоря о Пражской школе, мы используем общепринятую терминологию ее представителей.

Итак, различным функциям, или сферам употребления, литературного языка (коммуникативной, практически-специальной, теоретически-специальной, эстетической) соответствуют следующие «функциональные стили»: 1) разговорный, 2) деловой, 3) научный, 4) поэтический.

Собственно структурный подход к языку в наиболее четкой и строгой форме представлен в аспекте фонологии, разработанной Н.С. Трубецким (по словам А. Мейе, «самым сильным умом современной лингвистики») в его *Основах фонологии* (1939 г.). Фундаментом для работы послужил анализ огромного языкового материала — около 200 языков.

Соссюровское противопоставление языка и речи Трубецкой переносит в область фонетики, проводя различие между фонетикой и фонологией: «Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией». При установлении понятия **фонемы** Трубецкой отмечает, что, во-первых, фонема — языковое, а не психологическое понятие, во-вторых, фонема — это не звуковой тип. «Фонема не может получить удовлетворительного определения, если исходить из ее психологической природы или из ее отношения к фонетическим вариантам; фонему можно определить только исходя из ее функции в языке». Таковой является **смыслоразличительная** функция.

Будучи абстрактными единицами, фонемы реально **непроизносимы**. Они реализуются в речи в виде произносимых **вариантов**. «Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем... Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно».

Помимо теории фонемы, Трубецкой устанавливает ряд практических правил, во-первых, различения фонем и вариантов, а во-вторых, различения фонемы и сочетания фонем.

Главное в понятии фонемы — ее **смыслоразличительный** характер, основываю-

щийся на системе противопоставлений фонем, или их **оппозиций**. Оппозиция представляет собой «такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальное значение. Каждый член такой оппозиции мы называем фонологической (или смысловоразличительной) единицей».

По отношению ко всей системе в целом оппозиции подразделяются на одномерные и многомерные; по отношению между членами оппозиции — на **привативные, градуальные** (ступенчатые) и **эквиполентные** (равнозначные); по объему смысловоразличительной силы — на **постоянные** и **нейтрализуемые**. Поскольку с понятием фонемы студенты знакомятся в курсе «Введение в языкознание», мы не будем детально рассматривать все типы оппозиций, а остановимся лишь на важном при дальнейшем изложении материала понятии привативной оппозиции и ее особой роли.

Сущность привативной оппозиции заключается в том, что из двух составляющих ее членов один («маркированный») характеризуется наличием какого-то различительного («дифференциального») признака, а второй («немаркированный») — отсутствием его. Так, в оппозиции «[g] — [k]» [g] имеет по сравнению с [k] дополнительный признак «звонкость», который у [k] отсутствует. Однако в позиции нейтрализации выступает [k], и различие утрачивается: *луг — лук, но лука, луком — луга, лугом*. «В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем "архифонемы" этой оппозиции». **Архифонема** представляет собой совокупность смысловоразличительных признаков, общих для двух фонем. Очевидно, что в качестве архифонемы выступает немаркированный член оппозиции.

Системность фонемного состава заключается в том, что каждая фонема характеризуется своим специфичным набором смысловоразличительных, или дифференциальных, признаков, представляя собой набор, или «пучок», дифференциальных признаков.

Г. Хельбиг отмечает, что теория оппозиций, выявляющая структуру языка, была первым шагом в создании структурной лингвистики, хотя обращение к фонеме как элементу внешней языковой формы является своеобразным мостиком от младограмматизма, основные постулаты которого отрицались прагматиками.

Понятие оппозиции и дифференциальных признаков прагматики применили и при анализе грамматических категорий. Так, например, привативные оппозиции образуют пары *учитель — учительница, дворник — дворничиха* и т.п. Первый член пары оказывается немаркированным в отношении рода, второй — маркированным. Ср.:

*Мой отец — учитель, Моя мать — учитель, но: Моя мать — учительница, *Мой отец — учительница.*

Р. Якобсон описал с помощью дифференциальных признаков систему русских падежей. Он выделил три дифференциальных семантических признака, которые назвал направленностью, объемностью и периферийностью. По первому признаку винительный и дательный падежи («направленные») противопоставлены именительному и творительному; по второму признаку родительный падеж («объемный») противопоставлен именительному и винительному, а предложный — творительному и дательному; по третьему признаку творительный, дательный и предложный падежи («периферийные») противопоставлены именительному, винительному и родительному. Таким образом, именительный падеж оказывается полностью беспризнаковым, винительный, родительный и творительный — однопризнаковыми, а дательный и предложный — двухпризнаковыми.

Разработкой функциональной грамматики занимался В. Матезиус. Его подход изложен в ряде работ, в частности в *Попытке создания теории структурной грамматики* (1936 г.), *Язык и стиль* (1942 г.), *О системном грамматическом анализе* (1947 г.) и др. Основная идея работ заключается в том, что язык создан главным образом для общения и любое реальное высказывание состоит из двух актов. Первый акт представляет собой сегментирование окружающей действительности и наименование полученных отрезков средствами языка. Второй — объединение этих средств в рамках высказывания. В связи с этим

выделяются два аспекта описания грамматики языка: **функциональная ономотология** и **функциональный синтаксис**. Первый раздел посвящен инвентаризации языковых наименований (слов, словообразования, словосочетаний), второй — способам сочетания этих наименований в предложении.

В области синтаксиса широкое признание получило учение Матезиуса об **актуальном членении предложения** (АЧП), изложенное в его работе *О так называемом актуальном членении предложения* (1947 г.). В англоязычной литературе АЧП получило наименование **функциональной перспективы предложения** (functional sentence perspective — FSP). В каждом предложении следует различать два членения: формальное и актуальное (или смысловое). Первое — это известное формально-грамматическое разделение предложения на его члены. АЧП связано с использованием предложения в коммуникации. В этом плане в нем выделяется основа высказывания, т.е. исходная точка сообщения, то, что в данной ситуации является известным для слушающего, и ядро высказывания — то, что говорящий сообщает об исходной точке. Это напоминает деление предложения на психологический субъект и психологический предикат (см., например, Г. Пауля), но в данном случае Матезиус использует не психологические, а сугубо лингвистические категории. Теория АЧП стала одной из отправных точек в разработке грамматики текста.

В полном виде все изложенные положения функциональной грамматики В. Матезиуса представлены в его работе *Содержательный обзор современного английского языка с позиций общей лингвистики* (1961 г.).

В. Скаличка в статье *О грамматике венгерского языка* (1935 г.) рассматривает проблемы структурной грамматики с позиции типологического подхода. Он отмечает, что мельчайшей неделимой далее языковой единицей считается морфема. Однако будучи неделимой в плане **формы**, морфема может содержать более одной единицы плана **содержания**: англ. *foot* — *feet*, *tooth* — *teeth*. Скаличка предлагает сохранить термин **морфема** для обозначения формальной неделимости, т.е. последовательности фонем, а для минимальной неделимой единицы содержания ввести термин **сема**. Именно различные комбинации морфем и сем образуют слова. Эти различия в сочетаниях сем и морфем лежат в основе типологической классификации языков.

Типологические исследования пращев развивались по нескольким направлениям. Прежде всего можно выделить **характерологическое** направление, основанное В. Матезиусом. Задача характерологии — выявление специфических особенностей структуры описываемого языка по сравнению с другими языками. Другое направление характеризуется выявлением «отдельных явлений языка по определенным признакам». Так, А. Исаченко предлагает классификацию славянских языков в зависимости от количества гласных и согласных, выделяя в этих языках две крайние группы — «консонантические» (польский и русский) и «вокалические» (сербскохорватский и словенский). Остальные языки располагаются между этими группами. И, наконец, исследования в области **языковых союзов**, т.е. групп географически близких, но не родственных (или не близкородственных) языков, обладающих общими типологическими чертами. Такое сходство, в отличие от **родства** внутри языковой семьи, получило название «сродства». Классическим примером такого союза является **Балканский языковой союз** (греческий, албанский, болгарский, македонский и румынский языки). Другим примером может служить **Балтийский языковой союз** (литовский, латышский, кашубский, эстонский, шведский, датский и норвежский, а также некоторые северонемецкие диалекты) и **Евразийский языковой союз** (большинство алтайских и уральских языков, восточнославянские и польский).

Общность внутри языкового союза может возникнуть в результате массовых заимствований одним языком у другого. Н.С. Трубецкой считает, что нет «никакого основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т.е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были не похожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянно-

му контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом». Эта идея получила свое развитие в работах многих компаративистов XX в.

Таковы, в общих чертах, достижения Пражского лингвистического кружка.

Датский структурализм (глоссематика) — наиболее последовательное проявление структурализма. Копенгагенское лингвистическое общество, или Копенгагенский кружок, было основано в 1931 г. Его основателем был **Луи Ельмслев** (1899—1965), директор института лингвистики и философии при философском факультете Копенгагенского университета. Его основные работы: *Принципы всеобщей грамматики* (1928 г.), статьи *Категория надежды* (1937 г.), *Понятие управления* (1939 г.), *Язык и речь* (1942 г.), *Основы теории языка* (1943 г.) (в английском переводе слово «основы» было переведено как «пролегомены», этот термин был использован и в ряде переводов на другие языки, в том числе и на русский, поэтому работа обычно называется *Пролегомены к теории языка*).

Кроме Ельмслева в состав Кружка входили **Вигго Брендаль** (1887—1942), автор *Структурной лингвистики* (1939 г.), и **Ханс Йёрген Ульдалль** (1907—1957), написавший *Основы глоссематики* (1957 г.).

С 1939 г. Кружок издает журнал *Acta linguistica*.

Ельмслев характеризовал свою теорию как развитие и продолжение идей Соссюра в наиболее строгой и научной форме. Однако основные идеи глоссематики восходят не только к Ф. де Соссюру, но и к логической теории языка Альфреда Норта Уайтхеда, Рудольфа Карнапа, Бертрана Рассела, а также к символической логике.

Само название «глоссематика» (от греч. *γλῶσσα* — «язык») было принято, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие нового направления от традиционной лингвистики, которая рассматривалась как наука **трансцендентная**, т.е. выходящая за пределы собственно языка. По словам Ульдалля, в лингвистике «мы должны мириться с пестрой мешаниной исторических, физиологических, физических, биологических, логических, психологических, философских, статистических и даже иногда теологических идей. Самостоятельная наука может быть построена только благодаря самоограничению». Он также ссылается на Блумфилда, который отмечает: «Общепризнанным расположением пользуется обсуждение литературных ценностей — то есть художественного использования языка, особенно одаренными личностями — но отнюдь не наблюдение над языком». Чтобы стать точной наукой, лингвистика должна стать **имманентной**, т.е. внутренне присущей самому языку.

В противоположность гуманитарным, точные науки имеют дело не со всей массой трудно обозримых явлений, а только с одной их стороной, а именно с функциями. Поэтому глоссематика как точная наука должна основываться на теории неколичественных функций. Иными словами, глоссематика должна представлять собой некую алгебру языка, представляющую собой способ описания гуманитарного материала в виде целостной структуры, состоящей из неколичественных функций, т.е., по словам Ульдалля, структуры законченной и не нуждающейся в привнесении определений, заимствованных из других наук.

Рассмотрим основные особенности предлагаемой теории. Прежде всего следует отметить ее **дедуктивный** характер, типа математического исчисления. Традиционная лингвистика полностью индуктивна: описание начинается с минимальных единиц — звуков, а затем переходит к фонемам и классам фонем; от индивидуальных значений — к общим, от них — к категориям. Индукция ведет к выявлению общих понятий и категорий, специфичных для каждого отдельного языка, т.е. ведет не к общему, а к случайному.

Путь дедукции — обратный: от класса — к его элементам, от текста — к его конечным единицам. Цель анализа: исследуя процесс (текст), получить знание о системе, которая лежит за этим текстом, составляет его основу. Это даст возможность получить информацию, позволяющую строить любые теоретически возможные тексты на любом

языке, даже еще не существующем.

Вторая особенность — эмпирический принцип, в соответствии с которым научное описание должно удовлетворять трем условиям: а) непротиворечивости, б) полноты (т.е. охватывать все элементы без остатка) и в) простоты (число исходных элементов должно быть минимальным).

Хотя принцип и называется эмпирическим, он предполагает независимость теории от опыта. Главное в теории — ее непротиворечивый характер, а опытные данные могут либо соответствовать ей, либо нет. Это вовсе не означает неправильности теории.

Дедуктивная теория строится в виде исчисления. Пример такого исчисления Ельмслев приводит при описании системы падежей. В статье *Категория падежа* он показывает, что все значения известных падежей представляют собой комбинации 3 абстрактных признаков: 1) направления, 2) контакта, 3) субъективности. Каждый признак может принимать 6 различных значений. Таким образом, общее число комбинаций (т.е. возможных падежей) составляет: $6 \times 6 \times 6 = 216$ (минимум — 2). Это вовсе не означает, что в каком-то конкретном языке можно обнаружить **все** 216 падежей. Они могут встречаться в разных языках.

Третья особенность теории — ее имманентность: она должна использовать только формальные определения, избегая реальных дефиниций, преобладающих в гуманитарных науках. Формальные определения не отражают внутренней природы объектов и не описывают их внешне. Они лишь связывают их с уже определенными объектами. Примером такой теории может служить геометрия, где все понятия основываются на трех исходных понятиях: точки, линии и плоскости. В *Пролегоменах* — около 100 понятий, сводящихся к 4—5 основным, исходным.

Что касается отношений синхронии и диахронии, то Ельмслев считает, что главный интерес теории должен быть обращен на инвариантные черты структуры. Структура представляет собой вневременную сущность, по отношению к которой отдельные языки являются лишь частными случаями ее реализации. «Как бы язык ни изменялся в устах отдельных лиц, пользующихся им, его основа остается все той же». Следовательно, в центре внимания должны быть не изменения, а то «постоянное, что лежит в основе изменений», т.е. система. Поэтому речь должна идти не о синхронии ил и диахронии, а о **панхронии**.

Рассматривая сосюрское понятие «язык», Ельмслев показывает, что в *Курсе* оно получает три интерпретации: 1) как чистая форма, «независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации»; 2) как материальная форма, «определяемая в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации»; 3) как «совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе». В связи с этим предлагается различать **схему** — как чистую форму, **норму** — как материальную форму и **узус** — как совокупность навыков. Так, французское /r/ с точки зрения схемы характеризуется только через его оппозиции и сочетаемости; с позиции нормы — как звук, допускающий два варианта (вibrant и щелевой); с позиции узуса — в плане его артикуляций. При этом, если по Сосюру все эти интерпретации относятся к «языку» в его противопоставлении речи, реализации, то Ельмслев полагает, что наиболее соответствующим толкованием понятия «язык» будет интерпретация его как схемы.

Анализ текста проводится в двух планах: плане содержания и плане выражения. В каждом следует различать **форму** и **субстанцию**. При этом главное в языке — это форма. Будучи аморфной массой, субстанция не поддается никакому анализу и, следовательно, не имеет научного существования. Неоформленный материал по-разному членится, формируется в разных языках: «Это похоже на одну и ту же горсть песка, которая принимает совершенно различные формы, или на облако в небе, с каждой минутой меняющее свои очертания на глазах Гамлета. Подобно тому, как песок может принимать различные формы, а облако вновь и вновь менять свои очертания, принимает различную форму или различную структуру в разных языках и исследуемый нами материал».

Звуковая субстанция для всех языков одна. Каждый язык накладывает на нее свою

форму:

в русском *семь, сел, шесть, шест* — одна фонема;

во французском *mais, mes* — две фонемы.

В плане содержания то же: одна субстанция (смысловой материал), но форма, способ упорядочивания, организации — у каждого языка свой:

русский: *He знаю* — две единицы содержания;

английский: *I do not know* — четыре;

немецкий: *Ich weii es nicht* — четыре;

французский: *Je ne sais pas* — четыре;

финский: *En tiedä* — две.

Оба плана взаимосвязаны: единицы выражения и содержания **коммутируют** друг с другом. Язык представляет собой сетку отношений, которая набрасывается на действительность, на субстанции. Именно **абстрагирование** от субстанции — звуковой и концептуальной — позволяет лингвистической теории (глоссематике) стать точной наукой. Фундаментальным принципом глоссематической имманентной алгебры Хельбиг считает детерминацию субстанции при помощи формы и рассмотрение языка как системы зависимостей (функций) между понятиями, которые характеризуются только этими зависимостями.

Минимальные единицы плана выражения Ельмслев назвал **кенемами**, т.е. «пустыми». Он считал, что название «фонема» ассоциируется с понятием звуковой субстанции. Точно так же вместо традиционных «морфем» он использовал наименования **плеремы**, т.е. «полные». Соответствующие разделы глоссематики получили названия **кенематика** и **плерематика**:

Основной метод анализа — последовательное членение (сегментация) текста, который предварительно должен быть подвергнут операции **катализа** — восстановлению всех опущенных отрезков. Иными словами, текст должен быть «правильным», не эллиптическим.

План выражения и план содержания анализируются (сегментируются) по отдельности. По выявлении конечных единиц устанавливаются зависимости, в которых эти единицы могут находиться по отношению друг к другу. Зависимость интерпретируется как **функция** одного элемента по отношению к другому. Всего установлено три типа зависимости:

1) **интердепенденция** (двусторонняя зависимость) $x \leftrightarrow y$;

2) **детерминация** (односторонняя зависимость) $x \rightarrow y$;

3) **констелляция** (свободная связь) $x — y$.

Помимо этого различаются **коммутация** и **субституция**. «Между вариантами всегда имеет место субституция, между инвариантами — коммутация».

Ф. де Соссюр определил язык как систему знаков. Но знаковый характер, считает Ельмслев, имеет только текст. При анализе текста как в плане выражения, так и в плане содержания (по отдельности) мы не имеем дела со знаками. Анализ каждого из планов дает возможность выделить определенное число сущностей, или единиц, которые вовсе не обязательно соотнесены с единицами противоположного плана. Так, если возьмем словоформу *столы*, то «ы» является и единицей плана выражения (фонемой), и единицей плана содержания (морфемой). Если же взять «ы» в составе слова *корыто*, то это только фонема, и никакого соответствия в плане содержания она не имеет.

В связи с этим вводится понятие **фигуры, т.е. односторонней** сущности. Из фигур строятся знаки. При этом язык организован так, что «с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи». Возможность построения множества знаков из ограниченного числа фигур представляет собой существенную особенность человеческого языка, его отличие от других знаковых систем.

Итак, язык по своей цели есть знаковая система, а по своей внутренней структуре — система фигур, которая используется для построения знаков. Ельмслев вводит понятие **знаковой функции**, имеющей место между двумя сущностями — выражением и содержанием. Выражение и содержание понимаются как **функтивы**, включающиеся в знаковую функцию. Знаковая функция немислима при наличии только одного из функтивов — она реализуется именно в тексте, а не в системе.

Знак — это единица, состоящая из формы содержания и формы выражения на основе их взаимозависимости. Для анализа знака используется метод **коммутации**: если перемена единиц плана выражения приводит к изменению плана содержания, то такие единицы считаются существенными компонентами формы, т.е. фигурами.

Учение о фигурах связано с выделением вариантов и инвариантов в обоих планах, ср.: *ноль* — *нуль*, *рукой* — *рукою*.

Фигуры плана выражения, т.е. инварианты, были названы, как уже отмечалось, кенемами.

Г. Хельбиг считает, что главной заслугой Копенгагенской школы является перенесение «фонологических» методов, а именно использование оппозиций, на описание содержательной стороны языка. Так, сравнивая слова *девочка* — *мальчик*, *девочка* — *женщина*, *коза* — *девочка*, мы выявляем следующие фигуры плана содержания: 1) «пол» («мужской» — «женский»), 2) «возраст» («юный» — «зрелый»), 3) «человек» — «животное». Эти фигуры входят в состав содержания множества слов:

«муж.»: *отец, баран, бык, петух...*

«жен.»: *мать, овца, корова, курица...*

«юн.»: *ребенок, ягненок, цыпленок...*

«зрел.»: *взрослый, баран, курица...*

«чел.»: *мать, отец, ребенок...*

«жив.»: *овца, баран, ягненок...*

Учение о знаках и фигурах должно послужить основой для разработки методики анализа любого текста на любом языке.

Работа Л. Ельмслева *Пролегомены к теории языка* вызвала множество самых разнообразных откликов и дискуссий. Одни ее превозносят и восхищаются изящностью и целостностью этой «постройки», которую нельзя разрушить, не возведя аналогичной «постройки». Другие же резко ее критикуют, прежде всего за неприменимость изложенной теории к анализу конкретного языкового материала. Однако в этом случае упускают из вида такой «незаметный» момент, что Ельмслев, по словам Т.А. Амировой, «говорит не об английском, немецком, французском, русском, латинском и т.п. языках, а о языке вообще, как некоей человеческой способности, т.е. он высказывает положения, которые должны подходить и к европейским, и к африканским и т.п. языкам». В этом плане Ельмслев продолжает традицию универсальных грамматик, начатую Франсиско Санчесом.

В заключение следует отметить, что вряд ли можно найти более простое и всеобъемлющее описание языковой системы: всего две «горстки фигур» (в плане выражения и в плане содержания), два типа отношений между этими «горстками» и три типа однородных зависимостей, как в парадигматике, так и в синтагматике, внутри каждой «горстки».

Тема: Американский структурализм. Американистика. Дескриптивная лингвистика. Грамматика непосредственно составляющих. Недостатки грамматик непосредственно составляющих. Трансформационная грамматика

Американский и европейский структурализм имеют много общего. Представители и того, и другого направления в рассматриваемый период стремились подчеркнуть и даже преувеличить структурную уникальность каждого отдельного языка. Однако между двумя направлениями можно обнаружить и существенные различия.

Европейский, точнее, западноевропейский структурализм возник как продолжение идей Ф. де Соссюра и характеризуется прежде всего отказом от идей сравнительно-исторического языкознания, от историзма в целом, переходом к синхронному описанию языка, его структуры. Однако объектом исследования остаются в основном индоевропейские языки. Иная ситуация сложилась в США и в Советском Союзе, где подход к принципам описания языков никак не связывается с идеями Соссюра. Для этого были свои причины, прежде всего языкового характера.

На территории США в конце XIX в. существовали сотни племенных языков американских индейцев, которые никогда ранее не были описаны. На многих из них говорило незначительное число людей, и если бы эти языки не были записаны, то они могли просто исчезнуть. Именно практическими потребностями изучения таких языков и обусловлено появление американской лингвистики. Американские лингвисты меньше всего стремились к созданию общей теории структуры языка, а главную свою цель видели в разработке хороших методологических принципов анализа незнакомых языков.

Американская лингвистика, или американистика, явилась предшественницей и одной из основ американского структурализма, особенность которого в том, что он имеет индуктивный, описательный характер. Кроме того, американская дескриптивная лингвистика тесно связана с методикой преподавания языков.

Основоположником американистики был **Франц Боас** (1858—1942). Образование он получил в Европе (в Германии). В Америке, участвуя в этнографических экспедициях, он заинтересовался изучением языков коренного населения этой страны: эскимосов и индейцев. Систему своих теоретических взглядов Боас изложил в труде *Руководство по языкам американских индейцев* (1911—1912 гг.). Он полагал, что изучение этих языков должно быть тесно связано с изучением образа жизни их носителей, их культуры. «Теоретическое изучение языков индейцев не менее важно, чем практическое владение ими; чисто лингвистическое исследование является неотъемлемой частью глубокого изучения психологии народов мира... Язык представляет собой одну из наиболее благодарных областей при изучении формирования основных этнических представлений. Большим преимуществом лингвистики в этом отношении является тот факт, что лингвистические категории формируются бессознательно и поэтому можно проследить процессы, ведущие к их формированию, не прибегая к помощи дополнительных объяснений, которые часто дезорганизуют и лишь мешают пониманию».

К этому следует добавить, что известный в Европе метод сравнительно-исторического анализа индоевропейских языков оказался неприменимым к описанию индейских языков в силу, во-первых, специфики этих языков, их абсолютной непохожести на индоевропейские языки, а во-вторых, отсутствия письменности, письменных памятников, и, следовательно, невозможности сравнительно-исторической интерпретации.

Боас считал необходимой разработку объективных методов описания языка, его внешних, формальных признаков. Отсюда все внимание должно быть направлено на звучащую речь, которая и представляет собой предмет описания. Само описание должно включать «три момента: во-первых, составляющие язык фонетические элементы; во-вторых, группы понятий, выражаемых фонетическими группами, и, в третьих, способы образования и модификации фонетических групп».

После Боаса двумя наиболее влиятельными американскими лингвистами были Эдуард Сепир и Леонард Блумфилд. Они продолжали работу Боаса в двух разных направлениях. Как отмечает В.А. Звегинцев, их называют иногда Лейбницем и Ньютоном американской лингвистики.

Эдуард Сепир (1884—1939), профессор Чикагского университета, — ученик Ф. Боаса, после которого был самым видным специалистом по индейским языкам Америки. Как и его учитель, Сепир одинаково хорошо разбирался и в антропологии, и в лингвистике. По словам А.Е. Кибрика, «большую часть своей академической карьеры Сепир занимал должности по отделению антропологии, и это наложило особый отпечаток на все его

научное мировоззрение. Но главным делом его жизни был, несомненно, язык. Такая двойственность научной деятельности Сепира обернулась в конечном счете великим благом... Открытый, незашоренный взгляд Сепира на язык естественно приводил его к размышлениям, сближавшим его концепцию с идеями, находящимися на стыке смежных наук о человеке — этнологии, психологии, социологии, психиатрии, фольклористики, теории религии». Следует отметить, что сочетание этих двух основных предметов — антропологии и лингвистики — до сих пор сохраняется во многих американских университетах.

Работа Сепира *Язык* (1921 г.) представляет собой один из 5—6 основополагающих трактатов о языке первой половины XX в. По своему содержанию она сходна с работой Вандриеса. Однако если у последнего многие положения относятся еще к XIX в., то Сепир уже полностью принадлежит XX в.

В работах Сепира рассматривается ряд вопросов, имеющих большое значение и в наше время. Прежде всего это генетическая классификация языков Северной Америки. Кроме того, Сепир предложил свою типологическую классификацию языков. Подробнее об этой классификации речь пойдет позднее, когда мы будем знакомиться с развитием типологических исследований. В данный момент лишь обратим внимание на идею Сепира о том, что при построении типологии языковых значений следует опираться не на слова, а на корневые и грамматические элементы языка, т.е. морфемы. Следствием этой идеи является использование в американской дескриптивной лингвистике в качестве основного понятия не слова, а морфемы.

Лингвистика для Сепира — это прежде всего изучение формы, под которой он понимает систему моделирующих средств. При этом «в основе каждого языка лежит как бы некоторая базисная схема... у каждого языка есть свой особый покров. Этот тип, или базисная схема, или "гений" языковой структуры, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта». Поскольку у каждого языка «своя схема», не может быть единой универсальной системы частей речи. Однако различие имени и глагола остается фундаментальным, поскольку оно необходимо для выражения противопоставления субъекта и предиката.

Независимо от Бодуэна и Соссюра Сепир пришел к пониманию фонемы: «Отдельно взятый звук никоим образом не тождествен артикуляции или восприятию артикуляции. Он является, скорее, элементом структуры».

Как и Боас, Сепир разделял взгляды Гумбольдта на соотношение языка и мышления. Сепир является одним из основателей гипотезы лингвистической относительности.

Говоря о функциях языка, Сепир отмечал, что «коммуникативный аспект речи преувеличен». Главной он считал **символическую** функцию: «Язык в основе своей есть система фонетических символов для выражения поддающихся передаче мыслей и чувств».

Помимо символической Сепир называет также экспрессивную функцию, функцию социальной солидарности, функцию установления контакта, функцию хранения и накопления культуры и функцию воздействия.

Учениками Сепира являются такие американские лингвисты, как Кеннет Ли Пайк, Моррис Сводеш и Бенджамин Ли Уорф.

Леонард Блумфилд (1887—1949), профессор германской филологии Чикагского университета, знаток многих языков: санскрита, языков американских индейцев, малайско-полинезийских языков. Он является основоположником собственно дескриптивной лингвистики. Его характеризует сочетание теоретических исследований с их применением на практике.

Получив филологическое образование в Европе (у младограмматиков), он начинал свой лингвистический путь в рамках традиционного языкознания. Его первая работа *Введение в изучение языка* (1914 г.) обнаруживает значительное влияние младограмматических традиций, а также психолого-лингвистической концепции В. Вундта. Однако изучение языков североамериканских индейцев привело его к отказу от традиционных методов

описания языков. Блумфилду не были чужды идеи структурализма: он публиковался в изданиях Пражского кружка, был знаком с работами Соссюра и Трубецкого. Его концепция впервые была изложена в статье *Ряд постулатов для науки о языке* (1926), которую по ее четкости и строгости Ж. Мунен сопоставляет с работой Ельмслева. Основной же работой Блумфилда является книга *Язык* (1933), занимающая, по словам М.М. Гухман, в истории американского языкознания XX в. место, аналогичное тому, какое занимает известная работа Ф. де Соссюра в истории европейского языкознания. Идеи этой книги были основополагающими в течение последующих 30 лет. Р. Робинз отмечает, что большинство языковедов США считают себя в каком-то смысле учениками Л. Блумфилда независимо от того, учились они у него или нет.

Итак, *Язык* представляет собой учебное пособие, рассматривающее все основные разделы языкознания. В теоретических главах книги представлена оригинальная концепция Блумфилда: язык есть внешнее по отношению к исследователю явление, для изучения которого требуются методы объективного наблюдения и анализа.

В работе не столько изложена теория языка, сколько представлен набор предписаний по технике обработки первичных данных, напоминающих методы дешифровки. Таким образом, излагаются основополагающие принципы лингвистического **описания**. Отсюда и название — дескриптивная лингвистика.

Л. Блумфилд был фактически первым языковедом, который реализовал выдвинутое Ф. Боасом требование использования строгих объективных методов описания языка, рассматривая это как основную задачу языкознания. Эту строгость и объективность описания Блумфилд видел в отказе от классической психологии и в ориентации на положения бихевиоризма, или «поведенческой» психологии, обосновывая принципы так называемой «механистической» лингвистики. Свою теорию языка Л. Блумфилд называет материалистической, или механистической, и противопоставляет ее менталистским концепциям европейской психологии XIX в. «Для менталиста... язык является *выражением мыслей, ощущений или желаний*. Механист такого объяснения не принимает. Он полагает, что *мыслительные образы, ощущения* и т.п. — это всего лишь общепринятые названия для разнообразных телесных движений».

Во имя научной объективности Блумфилд избегает каких бы то ни было упоминаний о ментальных, или концептуальных, категориях, полагая, что лингвист недостаточно компетентен, чтобы заниматься «невидимыми» механизмами. «Любое высказывание может быть точно описано в терминах лексических и грамматических; необходимо помнить, что значение не может быть определено в терминах нашей науки». Однако это вовсе не свидетельствует о том, что Блумфилд «изгнал» значение из процесса лингвистического анализа. По словам Ж. Мунена, «антиментализм, или бихевиоризм, Блумфилда — это научная гигиена, необходимая в его время... Блумфилдовское отрицание психологии есть отрицание методическое, а не эпистемологическое».

С позиции бихевиоризма все психические процессы являются ненаблюдаемыми. Единственно, что доступно наблюдению, — это внешние стимулы и внешние реакции на эти стимулы. Это можно представить в виде формулы:

$$S \rightarrow R.$$

Отсюда известный пример: Джилл видит яблоко (стимул). Она срывает его с ветки, чтобы съесть (реакция). Однако этот же стимул может привести к языковой (замещенной) реакции: она говорит Джеку, что хочет съесть яблоко. Ее слова являются языковым (замещенным) стимулом для Джека, который срывает яблоко и дает его Джилл (реакция). В данном случае формула принимает вид:

$$S \rightarrow r \dots s \rightarrow R.$$

Лингвист, как уже отмечалось, не может судить о том, что происходит «внутри» Джека, но он способен наблюдать как языковой стимул, так и реакцию на этот стимул. Таким образом, процесс речевого общения расчленяется на ряд физиологических в своей основе стимулов и реакций. Именно в этом заключены источники формализации методов

лингвистического описания, и представители дескриптивной лингвистики сосредотачивают свое внимание на описании «внешних» формальных элементов структуры языка, игнорируя его смысловую сторону, — все то, что имеет отношение к логике или психологии. Следовательно, предметом лингвистики являются не звуки и значения сами по себе, а сочетание определенных звуков с определенным значением, и задача лингвиста заключается в том, чтобы выявить соответствие определенных звуков определенным значениям. Для выявления этого соответствия следует прибегать к помощи **информанта**, человека, для которого исследуемый язык является родным. Информант может дать ответ на вопросы: 1) является ли данное высказывание правильным или нет; 2) являются ли два высказывания (два отрезка высказывания) тождественными или нет.

Язык определяется как «совокупность высказываний, которые могут быть сделаны в данной языковой группе». Для наблюдателя язык состоит из **форм**. Языковые формы могут быть **связанными** и **свободными**, **сложными** и **простыми**. Сложные формы состоят из **компонентов**. Общая часть нескольких форм представляет собой **конституент**, или **непосредственно составляющую** (НС). Любое высказывание может быть разложено на НС. Так, в высказывании *poor/John//ran/away* две НС: *poor/John* // *ran/away*, каждая из них, в свою очередь, разлагается еще на две: *poor* и *John*, *ran* и *away*. Если деление (разложение) на этом заканчивается, то мы имеем дело с **конечными составляющими**, или морфемами.

«Морфема может быть описана фонетически, поскольку она состоит из одной или более фонем, но ее значение не может быть проанализировано в пределах самой нашей науки». Весь запас морфем языка может быть описан в терминах фонем и их последовательностей. Значение морфемы обозначается как **семема**.

Некоторые значения в языке выражаются **аранжировкой** (расположением) его форм. «Значимые аранжировки форм составляют **грамматику языка**». Простейший признак грамматической аранжировки называется **грамматическим признаком**, или **таксемой**. Наименьшую значащую единицу грамматической формы Блумфилд называет **таг-мемой**, а ее значение — **эписемой**. Синтаксис рассматривается как аранжировка морфем.

Языковая форма, ни один из компонентов которой не является связанной формой, есть **синтаксическая конструкция**. Конструкции могут быть либо **эндоцентрическими** (*poor John, John and Mary*), либо **экзоцентрическими** (*John ran, beside John*).

Итак, «любое высказывание может быть исчерпывающе описано в терминах лексических и грамматических форм; следует только помнить при этом, что значения не могут быть определены в терминах нашей науки».

Описание структуры языка предполагает выполнение следующих задач:

- 1) установление элементарных единиц на всех уровнях;
- 2) установление классов элементарных единиц;
- 3) установление законов сочетаемости элементов разных классов.

Установление элементарных единиц проводится путем **сегментации**, т.е. расчленения высказывания на минимальные отрезки. Правильность разбиения проверяется путем замены единицы в одинаковых окружениях:

кто — хто — что.

Затем следует установление классов этих единиц на основании выявления их **дистрибуции** (распределения) в составе более крупных отрезков. Различаются следующие типы дистрибуции:

- дополнительная: как — кит — кот — кнут — куб;
- контрастная: как — гак — так;
- свободное варьирование: город — уород.

Звуки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, рассматриваются как **аллофоны** (варианты), а класс (множество) аллофонов объединяется в **фонему**.

Аналогичный анализ проводится и на морфемном уровне, где выделяются **алло-**

морфы, объединяемые в морфему:

дополнительная дистрибуция: *хоч-у, хоч-ешь, хоч-ет;*

хот-еть, хот-ите, хот-ят;

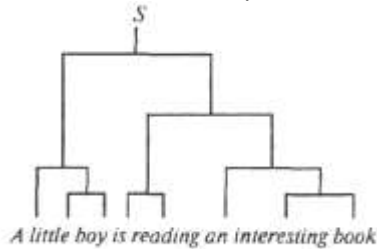
контрастная: *чита-ю — чита-л;*

свободное варьирование: *води-ю — води-й.*

Таким образом, лингвистическое описание представляет собой набор независимых от строя конкретного языка процедур. При этом различаются два уровня описания: фонологический и морфологический. Единицы языка определяются как классы дистрибутивно-эквивалентных единиц текста.

В результате описания на уровне фонем выявляется фонемный состав языка и законы сочетаемости фонем — **фонотактика**; на уровне морфем — морфемный состав языка, **морфотактика** и **морфонология** (характер чередования фонем в составе морфем).

Требование Блумфилда проводить анализ языковых единиц в чисто формальном плане распространялось и на синтаксис. Он считал, что недостатком большинства традиционных исследований в области синтаксиса было использование не формальных, а философских определений. В качестве метода формального анализа был предложен метод непосредственно составляющих (НС), сущность которого заключается в том, как уже отмечалось, что любое высказывание рассматривается как бинарное и делится на две НС. Последние снова делятся на НС, пока процесс не заканчивается выделением морфем. Так, предложение (S) *A little boy is reading an interesting book* членится так:

Следует еще раз отметить, что Блумфилд не игнорировал значения в процессе лингвистического анализа. По его словам, даже установить фонологическую систему какого-либо языка можно только при учете значения, поскольку изучение звуков речи безотносительно к значению — это абстракция. Он лишь отвергал значение в качестве **базы** научного описания. Ж. Мунен считает: «Вопреки тому, что говорят, Блумфилд стоит у истоков самых современных теорий в области семантики... Блумфилд раньше, чем Ельмслев, выдвинул идею о методе анализа означаемых, которая предваряет компонентный анализ». Упрекая последователей Блумфилда, которые считали непременным условием объективного описания исключение семантики из анализа языка, в недостаточно внимательном прочтении его работы, Мунен утверждает, что последователи Блумфилда взяли у него наименее удачные формулировки и упростили его концепцию. Лингвистический анализ Блумфилда не мог быть сведен к рассмотрению простой истории о Джилл, Джеке и яблоке. Последователи Блумфилда исказили его идеи, используя только некоторые компоненты его анализа.

Продолжатели Л. Блумфилда разделились по двум основным направлениям: менталистов и механицистов. Сторонники первого направления сгруппировались в Энн-Арборской школе (Мичиганский университет), куда входили **Чарлз Фриз**, **Кеннет Ли Панк**, **Юджин Найда**. В своих исследованиях они сочетали технику Блумфилда и идеи Сепира, занимаясь изучением значений отдельных форм — структурным значением — при помощи дескриптивных методов.

Широкую известность приобрела работа **Чарлза Фриза (1887— 1967) Структура английского языка (1952)**. В ней грамматика английского языка представлена в несколько непривычном для нас, нетрадиционном виде. Обычно «классические» грамматики начинаются с классификации частей речи, после чего анализируются их формы и грамматические категории, а затем следует синтаксис. Грамматика Фриза начинается с анализа пред-

ложения по НС, после чего устанавливается, какие слова занимают те или иные позиции в предложении. По сугубо позиционному признаку Фриз выделяет четыре класса полных слов и шестнадцать групп служебных слов. Интересно отметить, что после Фриза все англоязычные грамматики строятся по этому же принципу.

Второе направление — Йельская школа (Нью-Хэйвен, штат Коннектикут), куда входили **Зелиг Хэррис, Бернард Блок, Джордж Леонард Грейджер** — полностью вывели значение из лингвистики, осуществляя наиболее последовательную формализацию описания. Представители этого направления пошли еще дальше в попытках разработки методики лингвистического анализа без всякого обращения к значению, почти полностью пренебрегая семантикой.

Одним из самых талантливых представителей второго поколения школы Блумфилда был **Зелиг Хэррис** (1909—1992). Именно он стремился к тому, чтобы придать теоретическую цельность методам Йельской школы. Он видел главную цель дескриптивной лингвистики в изучении отношения распределения (дистрибуции), или порядка расположения (аранжировки) отдельных форм относительно друг друга в процессе речи. Основной целью грамматического анализа он считал создание полностью формализованного описания содержательного аспекта языка. Разработка дескриптивной теории считается наиболее важным вкладом Хэрриса в науку.

Г. Хельбиг отмечает, что с дистрибуционализмом Хэрриса эра Блумфилда в американском языкознании подошла к концу и структурная лингвистика вступила во вторую фазу: сегментация и классификация фонем и морфем путем дистрибуции стали главной задачей дескриптивной (таксономической) лингвистики. Однако отказ от значения привел к тому, что теория стала такой сложной, что ее достаточно трудно применить для полного описания языка. Тем не менее теория Хэрриса отличается глубиной, цельностью, серьезностью, но «его больше цитируют, чем читают».

Основные идеи концепции Хэрриса изложены в работе *Метод в структуральной лингвистике* (1951 г.). Дальнейшее развитие его теория получила в работе *Грамматика английского языка на математических принципах* (1982 г.). В этой грамматике вхождение того или иного слова в предложение рассматривается в зависимости от наличия в этом предложении других слов, от которых это слово может зависеть. При этом, несмотря на требования чисто формального анализа, Хэррис пользуется знанием семантической стороны языка.

Достоинство дистрибутивного анализа в том, что он исключает субъективный фактор и позволяет описывать языковые явления на основе объективных, измеримых имманентных отношений в пределах любого уровня языка.

Грамматика НС весьма проста. В каждом словосочетании (за исключением сочинительных) различаются два компонента: главный и зависимый. Отсутствуют такие понятия, как согласование и управление, тем более — сильное или слабое управление. В любом высказывании выделяются две НС — именная группа (noun phrase — NP) и глагольная группа (verb phrase — VP). В состав полной именной группы входят определитель, прилагательное и существительное (T, A, N), в состав глагольной — глагол и другая именная группа (V+ NP).

Если правила анализа предложения по НС «перевернуть», то получатся правила порождения предложения по НС, которые можно задать компьютеру:

- 1) S = NP + VP
- 2) NP = T A N
- 3) VP = V + NP

Следуя этим правилам, компьютер будет выдавать правильные грамматические предложения, среди которых окажутся и такие:

У него есть четыре блестящих песчаных купола.

Пар делает свой пар и свисток большими и гордыми.

Когда инженер Смит смазан, вода в звонках подогревается.

Чтобы сделать данные предложения правильными в отношении не только грамматики, но и смысла, потребуется значительно усложнить грамматическое описание за счет введения в него многочисленных правил, к созданию дробных категорий и подкатегорий. В результате вместо теории языка получится, по словам С. К. Шаумяна, эмпирическая коллекция правил «на случай». Это — первый основной недостаток грамматики НС.

Следующий — модель НС не обладает достаточной силой для решения проблемы инвариантности. Так, предложения *Он купил пальто на меху* и *Он купил пальто на улице* имеют одну и ту же модель. Точно также одну модель имеют следующие словосочетания: *пение птиц, изучение языка, приглашение писателя*, хотя в первом случае речь идет о субъекте действия, во втором — об объекте, а третье словосочетание допускает двоякую интерпретацию.

Кроме того, метод НС не дает никаких формальных критериев для разграничения повествовательных и вопросительных предложений, а также для установления тождественности предложений *Мальчик читает книгу* и *Книга читается мальчиком*.

При дистрибутивном анализе языка определяется элементарная единица на каждом уровне. Каждая единица представляет собой класс дистрибутивно-эквивалентных единиц текста, ее вариантов. Такие единицы выделяются на фонологическом и морфологическом уровнях. Однако вопрос об элементарной единице на синтаксическом уровне остается нерешенным, поскольку оказывается невозможным описать дистрибуцию предложения. Кроме того, некоторые изолированные предложения не поддаются дистрибутивному анализу, который также нельзя применить к отрезкам большим, чем предложение. В результате Хэррис приходит к выводу о недостаточности дистрибутивного анализа для описания предложения.

Все это и послужило причиной разработки трансформационного метода. Иначе говоря, недостатки дистрибуционного метода побудили Хэрриса заняться трансформационным анализом и тем самым наметить пути для третьего этапа американского структурализма. Намечается поворот в сторону трансформационной грамматики (ТГ)

Хэррис предположил, что основной, элементарной единицей синтаксического уровня является некий тип простого предложения, который может представлять собой класс вариантов, "получающих реализацию в тексте. Отличие же предложения от единиц других уровней состоит в том, что оно **не допускает дистрибуционного определения**: на окружение предложений не существует никаких ограничений, т.е. все предложения имеют одну и ту же дистрибуцию.

Для отождествления предложений и их типов Хэррис предпринял попытку использовать их трансформационные признаки. Трансформационные правила впервые появились в работах З. Хэрриса, однако обоснование необходимости использования этих правил в грамматике и построение собственно трансформационной грамматики принадлежит его ученику Н. Хомскому.

Основные понятия трансформационного метода впервые были сформулированы в статьях Хэрриса *Анализ речи* (1952) и *Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре* (1957). По словам Хэрриса, «трансформационный анализ устраняет значительную часть сложностей анализа по непосредственно составляющим». Он «представляет собой в большей степени алгебраический метод анализа языковой структуры, чем другие общепринятые лингвистические методы».

Трансформацию Хэррис определяет как формальное отношение между двумя структурами, имеющими одинаковую дистрибуцию, или одинаковый набор индивидуальных окружений. Иными словами, трансформация — это отношение эквивалентности между двумя структурами с одинаковым окружением. Такие структуры должны иметь одинаковое значение, поскольку области окружений соответствуют значению. «Если две или более конструкции (или последовательности конструкций), содержащие одни и те же n классов, встречаются с одним и тем же набором из n членов этих классов в одном и том же окружении в предложении, мы говорим, что эти конструкции являются **трансформа-**

ми одна другой и что каждая из них может быть получена из другой посредством определенной трансформации».

Стержнем ТГ, по словам Шаумяна, является идея о ядре языка, состоящем из простейших лингвистических структур, из которых могут быть выведены все остальные лингвистические структуры большей или меньшей степени сложности. Таким образом, трансформации — это формальные операции, которые могут производиться над простейшими, или **ядерными**, предложениями для получения более сложных предложений, или **трансформ**. Хэррис отмечает, что «трансформации играют особую роль в общей структуре языка. Благодаря неограниченной повторяемости различных трансформаций становится возможным построение разнообразных предложений неограниченной длины из набора ядерных предложений». Иными словами, любую последовательность предложений можно свести к ядерным конструкциям и их трансформам.

Всю синтаксическую систему языка можно представить как состоящую из двух подсистем: подсистемы ядерных (исходных, элементарных) типов и подсистемы их трансформ — производных типов. Под ядерным предложением понимается простое нераспространенное утвердительное предложение. Такие предложения, как *Сократ был мудрый афинянин, Я хочу пить, Я велел ему прийти* и т.п., являются производными. (Ср. приведенный ранее пример из грамматики Пор-Рояля: *Невидимый Бог создал видимый мир*.) Понятие ядерного предложения сходно с понятием основной формы слова, отсюда можно говорить о **парадигме предложения** (трансформационной парадигме). Ядерные предложения связаны с элементарными ситуациями, представляя собой их обозначения. Разные языки обнаруживают гораздо больше сходства в области таких простейших предложений, тогда как трансформы могут характеризовать специфику отдельного языка. Таким образом, трансформации могут найти применение в типологии языков — для сравнения языков разной структуры. Ядерные предложения первыми усваиваются детьми и дольше сохраняются в сознании человека.

Дальнейшее развитие ТГ связано с именем **Ноама Хомского** (р. 1928 г.), который после выхода работы *Синтаксические структуры* (1957) становится лидером американской лингвистики, восставшей против блумфилдовских идей. В 1965 г. появляется его работа *Аспекты теории синтаксиса*, в 1968 г. — *Язык и мышление*.

Хомский рассматривает ТГ как одну из **порождающих грамматик**. «Порождающая грамматика... есть результат попытки изобразить точным образом некоторые аспекты гумбольдтовской формы языка; та или иная теория порождающей грамматики есть результат попытки выяснить, какие именно аспекты этой формы являются общим человеческим достоянием». Грамматика есть «своего рода механизм, порождающий все грамматически правильные последовательности языка и не порождающий ни одной грамматически неправильной». А поскольку, по Хомскому, язык есть совокупность предложений, то весь язык в целом представляет собой некое порождающее устройство.

Хомский проводит различие между понятиями компетенции (competence) и употребления (performance), которые, согласно Дж. Лайонзу, соответствуют сосюрровским *langue* и *parole*, и между понятиями поверхностной и глубинной структур.

Сам Хомский неоднократно в своих работах, начиная с первой, отмечает, что ТГ является не моделью порождения текста (употребления), а моделью компетенции (знания).

Трансформационная грамматика включает правила трех видов:

- 1) правила модели НС;
- 2) правила трансформационной модели;
- 3) морфофонемные правила.

По правилам модели НС происходит порождение ядерных предложений; правила трансформационной модели описывают типы преобразований, применяемых к ядерным предложениям; морфофонемные правила задают типы чередований при словообразовании и словоизменении.

Основные типы трансформаций:

- 1) $S \rightarrow S$
- 2) $S \rightarrow NP$
- 3) $S_1 + S_2 \rightarrow S_3$.

Трансформации первого типа связаны с преобразованиями внутри предложения: превращение утвердительного в отрицательное, вопросительное, изменение формы залога и т.п. Трансформации третьего типа — способы объединения простых предложений в сложные. Особенно следует остановиться на трансформации второго типа — **номинализации**, т.е. превращении предложения в именную группу. Номинализация позволяет свести семантически сложное предложение к набору ядерных предложений. Именные группы, полученные в результате номинализации так называемых **интродуктивных** предложений, вводятся в соответствующие позиции **базового** предложения. Эти позиции обычно отмечаются семантически «пустыми» словами. Так, предложение Содействие друзей помогло ему достичь успеха может быть интерпретировано как результат объединения следующих предложений: базового *Нечто помогло ему сделать что-то*; и двух номинализованных интродуктивных предложений: *Друзья содействовали ему — содействие друзей (ему)* и *Он достиг успеха — (его) достижение успеха — (ему) достичь успеха*.

Очевидно, что ТГ Хомского имеет интерпретирующий характер.

Итак, говоря о ТГ в целом, следует отметить, что трансформационные правила представляют собой естественное продолжение правил порождения по НС. При помощи этих правил ядерные предложения, порожденные по модели НС, преобразуются в новые предложения. Следовательно, ТГ не отменяет грамматики НС, но вводит ее в рамки более широкой грамматической системы — системы ТГ.

Если грамматика НС объясняет, каким образом составлено предложение, из каких частей оно состоит, то ТГ показывает, из какого предложения или предложений и с помощью каких преобразований выведено данное конкретное предложение.

Если же сравнивать грамматику Хомского и Хэрриса, то в первой рассматриваются структура и преобразования предложения, тогда как во второй анализ выходит за рамки предложения. Ж. Мунен отмечает, что ТГ Хэрриса не направлена на построение гигантской гипотетико-дедуктивной конструкции, которая объясняла бы порождение всех структур языка. Его анализ ограничивается уровнем текста. Если теорию Хомского можно расценивать как «типично математическую», то теорию Хэрриса как «типично лингвистическую». Теория Хэрриса с самого начала индуктивна, а не дедуктивна.

По словам Ж. Мунена, распространение теории Хомского сопровождалось снобизмом и агрессивностью. Однако вряд ли следует обвинять в этом самого Хомского. Тот же Мунен отмечает, что теория Хомского была принята традиционными грамматистами, потому что она создавала впечатление революционного переворота, а на самом деле спасала традиционную грамматику, одевая ее по моде. Далее Мунен упрекает Хомского в плохом знании европейской лингвистики; в эпизодическом, спорадическом, неорганическом подборе примеров, которые, если их собрать вместе, «даже не составляют начала методического и цельного описания хотя бы английского языка». То, что читатели Хомского принимали за **теорию**, есть лишь набор гипотез, не формализованных, излишне интуитивных. (Кстати, В.А. Звегинцев считает, что грамматика Хомского — это не теория языка, а теория предложения.) И, наконец, в плане синтагматики можно сказать, что его работа — шаг назад по сравнению с *Постулатами* Блумфилда и *Пролегоменами* Ельмслева.

С большим восторгом теория Хомского была встречена и в России, где повсеместно стали говорить о «хомскианской революции». На наш взгляд, «магия» Хомского объясняется тем, что идеи *порождающей* грамматики были восприняты почти повсеместно как ключ к решению проблемы *порождения* высказывания (вот что значит этимология!). Правда, Хомский неоднократно отмечал, что его грамматика предназначена для описания языковой компетенции человека (языка), а ни в коем случае не употребления (речи, рече-

вой деятельности): «Под порождающей грамматикой я понимаю просто систему правил, которая некоторым эксплицитным и хорошо определенным образом приписывает предложениям структурные описания... Порождающая грамматика не является моделью для говорящего или слушающего. Она стремится охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим-слушающим». Однако на эти утверждения автора его эпигоны почему-то не обратили внимания. С течением времени лингвисты, и не в последнюю очередь — психолингвисты, пришли к пониманию того, что для описания речевой деятельности теория Н. Хомского не пригодна, поскольку в процессе реального порождения речи никакого преобразования одной конструкции в другую не происходит.

Дж. Бейлин в обзоре истории порождающей грамматики (1997) отмечает: «Суть трансформационной теории остается неизменной в 1980-е и 1990-е годы».

Тема: Английский структурализм. Французский структурализм. Российская лингвистика начала XX в. «Новое учение о языке»

Идеи **английского структурализма** (Лондонской школы) в определенной степени сходны с идеями американского дескриптивизма, поскольку в основу положен языковой контекст. Однако в отличие от американцев английскими исследователями контекст рассматривается не изолированно, а **в условиях ситуации**. Язык определяется ими как часть социального процесса. Основными понятиями представители Лондонской школы считают **функцию** и **значение**, которые идентифицируются и объясняются ими через употребление языковой формы в контексте.

Британская лингвистика начинает складываться с середины XIX в. Основное внимание направлено на исследование живых языков разнообразных типов. Концепция английского структурализма складывается в 1930—1940 гг. В состав школы входят **Джон Руперт Фёрс, Фрэнк Роберт Палмер, Майкл Александр Кервуд Хэллидей**. Их совместная деятельность началась в 1944 г., когда руководителем кафедры общего языкознания Лондонского университета стал **Джон Руперт Фёрс** (1890—1960). Его основные работы: *Техника семантики* (1935), *Синопсис лингвистической теории* (1930—1955).

Основное направление исследований — функциональная теория значения с использованием формальных методов анализа. Исходными постулатами являются, как и в глоссематической теории, принципы непротиворечивости, полноты и простоты. Однако в отличие от глоссематиков, использующих дедуктивный подход, лондонцы считают, что наука не должна навязывать своих систем языку. Она должна **обнаруживать** их в речевой деятельности, исходя из особенностей данного языка.

В основу исследовательской работы положены идеи английского этнографа и антрополога **Бронислава Малиновского** (1884—1942), который считал, что язык и культура обладают **общими** свойствами. Если общие свойства организации социума могут быть выявлены на материале отдельных социальных структур, то общие свойства языка можно обнаружить при изучении материалов отдельных языков. Как в культуре, так и в языке проявляются основные побуждения, желания, потребности и т.д., обусловленные природой человека. Общество, личность и язык оказываются тесно взаимосвязанными, и для того чтобы понять сущность любого из них, необходимо принимать во внимание все три указанных компонента. Языковое поведение человека — это всегда **значимое** поведение во всех его связях с жизнью общества. Поскольку состав общества неоднороден во всех отношениях, важно изучать языковые особенности различных социальных и профессиональных групп, местных диалектов и т.д. При этом следует помнить, что во всех проявлениях языка сохраняется нечто общее: грамматическая структура, основной словарный фонд, тождество фонологической структуры.

Разговор человека всегда представляет собой некий заданный ритуал, в рамках ко-

того можно выделить ряд типовых ситуаций: отрицание, утверждение, вопрос, приветствие, прощание, вступление в контакт, развитие отношений и т.д., и т.п.

По своему устройству язык многоструктурен, это система систем. При этом по вертикали он образует **систему**, или парадигматику, а по горизонтали — **структуру**, или синтагматику.

Задача общего языкознания заключается в том, чтобы на основе фактического употребления раскрыть значение во всем его многообразии. При этом отмечается, что изучение семантики невозможно без обращения к морфологии, исследованию значения должен предшествовать формальный анализ. Прежде чем выявить значения слов и предложений, нужно предварительно описать их формальные особенности.

Под значением каждого языкового элемента, каждой языковой единицы понимается не его содержание, а функция его формы. Языковая единица — это любая часть языка, которая выполняет функцию в составе целого. Процесс анализа значения подробно описан в работе *Техника семантики*.

Значение состоит из отдельных элементов, выделить которые можно в результате **поуровневого членения** значения как целого, т.е. в процессе анализа устанавливается каждое отдельное смысловое значение. В составе значения как целого выделяется ряд его составляющих, компонентов, которые представлены как функции: 1) фонетическая функция, 2) лексическая функция, 3) морфологическая функция, 4) синтаксическая функция, 5) семантическая функция. Общее значение языковой формы представляет собой взаимодействующую совокупность всех функций.

Все языковые элементы можно выделить и определить методом подстановки. Слово — это лексическая единица подстановки, а звук — единица фонетической или морфологической подстановки.

В **фонетическом контексте** начального b и конечного d мы обнаружим возможность 16 подстановок разных гласных: bid, bi:d, bed, bæd, bo:d...

Фонетическая функция каждой из 16 гласных в этом контексте сводится к ее употреблению, которое противопоставляется употреблению 15 остальных. Таким образом, фонетическая функция данного звука сводится к употреблению **именно этого** звука и противопоставлению его другим звукам.

Если я прошу вас употребить форму bo:d в контексте вашего опыта, то в ответ вы можете создать словесный контекст типа: Which "bo:d", "bo:d" of studies, or "bo:d" to death? или спросить, как слово пишется.

Теперь можно объединить разные формы в парадигматические ряды:

- 1) bo:d, bo:dz;
- 2) bo:d, bo:dz, bo:did, bo:diŋ;
- 3) bo:, bo:z, bo:d, bo:riŋ.

Поместив формы в эти ряды, мы определяем, что это

- 1) существительное в форме ед. ч.;
- 2) простая форма глагола;
- 3) форма с окончанием -d от основы bo:.

Но без дальнейшей конкретизации невозможно поместить выделенные формы в определенные морфологические части речи.

Если же я скажу: Not on the board — форма будет выступать в **словесном контексте**, и тогда станет ясно ее морфологическое значение, или функция: это — существительное.

Но и теперь его **семантическая** функция не ясна. Можно сказать Not on the board! Или Not on the board?, т.е. использовать два типа предложений: утверждение и вопрос. Здесь мы вводим **синтаксические** категории, синтаксический компонент значения.

Помещая bo:d в реальный контекст, можно спросить: Bored? Ответом может быть: Not really. В таком **контексте ситуации** мы имеем дело с **семантической функцией**.

Формальное значение — это связи форм в тексте между собой. Контекстное значе-

ние — это связи форм текста с ситуацией употребления.

Таким образом, полный анализ текста проводится по уровням членения языка:

- 1) контекст ситуации — определяется тип языка (стиль);
- 2) грамматика — основная и центральная часть языкового анализа;
- 3) фонология — вспомогательное средство для связи грамматики и фонетики;
- 4) фонетика — конечное подтверждение для грамматики и фонологии, так как она связывается с доступным наблюдению фактическим материалом.

Мы рассмотрели четыре направления структурализма, которые объединяются общим подходом к языку как предмету лингвистики, к выявлению отношений между языковыми единицами. Различия между ними заключаются в направлении исследований. Для Пражского кружка — это установление прежде всего функциональной дифференциации литературного языка. Собственно структурализм проявился в области фонологии. Для представителей глоссематики задача состоит в создании общей дедуктивной (универсальной) теории языка. Представители дескриптивной лингвистики видят свою цель в обосновании метода и выработке объективных процедур формального анализа конкретного языка. Лондонский структурализм стремится создать общую теорию языка, но, в отличие от глоссематики, — теорию, применимую к каждому конкретному языку, а в отличие от дескриптивизма занимается формальным анализом значения.

В целом между английской и американской школами много общего, и в 1960-е гг. начинается сближение их позиций, осуществляемое некоторыми учениками Блумфилда и Фёрса. Такое сближение можно увидеть в работе представителя английской лингвистики **Джона Лайонза** (р. 1932) *Введение в теоретическую лингвистику* (1968).

Французская лингвистика в течение всего XX в. продолжала оставаться одной из ведущих в мировой науке о языке. Как структуралистов здесь можно в той или иной степени охарактеризовать Г. Гийома и Л. Теньера.

Гюстав Гийом (1883—1960), выдающийся лингвист-теоретик, значение работ которого, как отмечает Ю.С. Степанов, только сейчас начинает осознаваться во всей полноте, с 1938 г. до самой смерти преподавал в школе Высшего образования. По словам М. Вильме, за последние десятилетия не появилось теории, которая обладала бы такой же объяснительной силой, какой обладает теория Г. Гийома. Л.М. Скрелина указывает, что множество новых понятий, которые разрабатываются в таких современных направлениях, как лингвистика текста и теория высказывания, и приписываются Ш. Балли, Б. Малиновскому, Э. Бенвенисту и др., были выдвинуты и раскрыты в ранних публикациях Г. Гийома. Гийом говорил, что слово *актуализация* было им предложено и постоянно употреблялось задолго до его использования Балли.

Г. Гийом знал древнегреческий, латинский и русский языки, изучал философию и математику. Малую «популярность» работ Гийома хорошо объясняют слова А. Мейе, который долго «опекал» его: «Он слишком умен, а его книги слишком сложны, чтобы лингвисты их поняли». Сам Гийом указывал: «Подводным камнем для теоретика моего типа явится необходимость (для понимания того, что я сделал) повторить за мной все логические построения, весь сорит (сорит – сложный силлогизм с опущенной средней частью) условий структуры языка, а это, пока все не станет ясным, занимает много времени».

Прижизненные издания работ Г. Гийома немногочисленны. Это *Проблема артикля и ее решение во французском языке* (1919), *Время и глагол* (1929). Обобщающие работы *Язык и наука о языке* (1964) и *Принципы теоретической лингвистики* (1973) были изданы посмертно его коллегами и друзьями.

Русское издание (1992) было подготовлено и осуществлено активным пропагандистом идей Г. Гийома Л.М. Скрелиной, которая еще в 1971 г. опубликовала в журнале *Филологические науки* (№ 2) статью *Об одном направлении во французской лингвистике (школа Гийома)*. Нельзя не назвать и работу Е.А. Реферовской *Философия лингвистики Гюста-ва Гийома* (1997).

Л.М. Скредина отмечает, что, называя себя структуралистом, Гийом строит свою теорию в стороне от европейского и американского структурализма. Сам Гийом говорит об этом так: «Копенгагенский структурализм считает язык объектом внешнего наблюдения, путь к познанию которого лежит через построение теории, как это имеет место во всех науках, где объектом наблюдения является объективный мир "вне меня". Копенгагенская школа приписывает языку ложную объективность как вне-субъективность, а между тем язык не имеет иной объективности, которая устанавливается в самых глубинах субъективного».

Лингвистику он охарактеризовал как науку, интересующуюся совершенно особым объектом, не имеющим аналога в мире, а цель своей работы видел в том, чтобы «раскрыть систему, каковой является язык, и план ее построения».

Гийом считает, что, назвав язык социальным явлением, мы не вскрываем его природы. «Признавать в языке социальное явление, каким он является в силу его использования людьми в качестве средства экстерниоризации и передачи своих мыслей и чувств, и не видеть в нем собственно человеческого явления, т.е. внесоциального, заключенного в самом человеке, говорящем или не говорящем, но думающем, — это значит лишить себя всякой возможности познания его структуры, возникшей не из встречи человека с человеком, а из вечного противостояния человека и вселенной, универсума, из специфически человеческих условий этого столкновения, определенным зеркалом которых и стала структура языка... В истоках языка — и прозорливые философы это понимали — лежит не маленькое противопоставление *Человек / Человек*, но великое противопоставление *Универсум / Человек*... Самая глубинная часть языка в гораздо большей мере зависит от постоянного глубокого раздумья человеческого мышления, чем от непосредственного упражнения в речи».

Характер отношения языка и мышления он объясняет следующим образом: «Мышление свободно, совершенно свободно и безгранично в своем движении к активной свободе, но средства, которыми оно пользуется для своего собственного перехвата, это средства систематизации и организации, ограниченные по своему количеству, и в своей структуре язык дает их верное отображение. То, что внимательный наблюдатель открывает в самом языке, в собственно языковом плане, — это и есть механизмы перехвата, остановки, которые действуют в мышлении. Эти механизмы принадлежат систематике, исследование которой представляет новую область лингвистики и которую мы назвали *психосистематикой языка*».

Иными словами, наше мышление протекает свободно, «само собою», в какой-то степени независимо от наших усилий и намерений. Но если вдруг мы пожелаем «узнать», о **чем именно** мы в данный момент думаем, нам необходимо «перехватить» процесс нашего мышления, остановиться на нем, осуществить «самослежение». Именно для этого «перехвата» и создается язык. Человеческое мышление «существует само по себе только в том случае, если оно способно контролировать (перехватить) себя и тем самым различать в себе отдельные моменты деятельности. Эти перехваты отождествляются с представлением; это то, что является представлением». Именно благодаря представлению происходит «рассмотрение», упорядочение мыслимого. Представление делит это мыслимое, «подразделяет, внутренне организует, систематизирует, чтобы высказать все, и результатом этих систематизирующих операций является язык». С момента, когда переживаемый человеком **опыт** превращается в **представление**, и начинает свое существование человеческий язык.

Таким образом, психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а «определенные и готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, механизмы, которым язык дает точное отображение».

По своему устройству язык, считает Г. Гийом, представляет собой не просто систему, а систему систем, в которую входят, например, система имени, система глагола и т.п. Для того чтобы понять, как устроена эта система систем, Гийом задает ряд «простых»

вопросов: «Для чего языку артикль? Для чего языку система времен?» А также ряд других подобных вопросов, которых никто языку не задавал, за исключением, вероятно, модистов. Именно по этой причине его называют «последним и величайшим из модистов». Ответы Гийома на указанные два вопроса изложены в его первых двух работах.

Язык и речь он рассматривает как две формы: «Речь — это форма, принятая обдуманной стороной для выражения (*expression*); язык — это форма, принятая мыслимой стороной для представления (*representation*)». Речь, или говорение, имеет временную природу, а язык существует постоянно, непрерывно. Следует также указать на то, что Гийом использует противопоставление не *langue/parole*, а *langue/discours*. Различие заключается в том, что *parole* он понимает как «говорение», а *discours* — как «построение речи». При этом все, что происходит в речи, «определяется *проблемами*, поставленными языком, виртуальностью языка».

Самый общий психомеханизм языка заключается в движении от общего к частному (индивидуализация) и от частного к общему (генерализация). «Мысль находится в движении, которое свидетельствует о ее существовании, в нем она черпает свою силу. Два наиболее важные движения — создатели творческой способности мысли — это восхождение к частному, от полного объема объекта, и нисхождение от общего к частному, от полного объема объекта — к ограниченному объему. Всякое движение мысли вписывается в две эти границы, принимая характер перемещения от генерализации к индивидуализации и обратно» (Е.А. Реферовская). В качестве средства выражения этих движений в языке существует артикль, который представляет собой знак перехода имени существительного из плана потенции в план реализации.

Что касается системы языкового (грамматического) времени, то в ней отражен способ структурирования языком времени по аналогии с тем, как он структурирует пространство: «время построено по образцу пространства с *n*-измерениями».

Таковы, в самых общих чертах, основные моменты концепции Гюстава Гийома.

Люсьен Тендер (1893—1954) учился у Мейе и Вандриеса, слушал лекции Бругмана и Лескина. Много занимался славистикой. Несколько раз был в СССР и хорошо знаком с работами российских синтаксистов. Его интересы не распространяются на весь язык в целом, а сосредоточены на синтаксисе. Главный труд Теньера *Основы структурного синтаксиса* вышел уже после его смерти, в 1959 г., причем в этот период появились работы по порождающей грамматике и главным образом работы Н. Хомского, распространение которых не только в США, но и во всем мире прошло с действительно американским размахом. Можно сказать, что Теньер вступил в своеобразное соревнование с Хомским, причем сначала «счет» был явно не в пользу Теньера. Появление *Основ структурного синтаксиса* прошло незамеченным, так как все в то время были увлечены грамматикой НС, по сравнению с которой работа Теньера выглядела слишком «несовременной». Тем не менее она несколько раз переиздавалась и переводилась на другие языки, в том числе и на русский. Интересно отметить, что *Синтаксические структуры* Хомского (1957) на русский язык были переведены в 1962 г., а работа Теньера — лишь в 1988 г.

Предложение Теньер рассматривает с точки зрения собственно синтаксических закономерностей. Большинство морфологических явлений он интерпретирует «через синтаксис». Кроме того, синтаксис Л. Теньера не формальный, а семантический. Каждое предложение описывает некую «драму», в которой задействованы лица и обстоятельства — **актанты** (существительные и эквиваленты существительных) и **сирконстанты** (наречия и их эквиваленты). Таким образом, актанты — не формально-синтаксические члены, а участники небольших «драм», которые описываются предложениями.

Одним из основных понятий является понятие **связи**. Теньер отмечает, что во фразе *Alfred parle* следует выделять не два элемента: 1) *Alfred* и 2) *parle*, а три: 1) *Alfred*, 2) *parle*, 3) **связь**.

Каждое предложение складывается из **ядер** — конституирующих атомов предло-

жения, содержащих определенную идею и выполняющих **семантическую функцию**, а также **отношений** между ядрами, выполняющих **структурную функцию**. Таким образом, следует различать линейный порядок и структурный порядок. Для синтаксиса НС существенно, которая из составляющих является главной, а которая — зависимой. Важен лишь **линейный** порядок: составляющие должны быть непрерывными. В грамматике Теньера структурные и семантические функции четко различаются. Структурные функции связаны с отношениями между компонентами предложения, семантические — с содержанием. Структурные отношения понимаются как отношения **зависимости**, а все предложение представляет собой **иерархию** зависимостей.

Линейная речевая цепочка, которую мы наблюдаем при говорении, не отражает внутренних, структурных зависимостей, которые образуют иерархию. При говорении структурный порядок преобразуется в линейный. Следовательно, говорить — это значит уметь преобразовывать структурный порядок в линейный, а понимать — быть в состоянии преобразовать линейный порядок в структурный.

Структурный порядок может быть представлен в виде **дерева** (стеммы), центром (вершиной) которого является **глагол**, семантический и структурный центр предложения, который и выражает то или иное действие («драму»). В отличие от традиционной грамматики, где основу предложения составляют подлежащее и сказуемое, у Теньера подлежащее — лишь один из актантов глагола.

Теньер вводит понятие **валентности** (число актантов, которые может присоединять к себе глагол) и делит глаголы в зависимости от валентности на четыре группы: безактантные («безличные»), одноактантные, двухактантные и трехактантные.

Большое место в его работе занимает анализ системы синтаксических связей, их формальное (грамматическое) воплощение и способы изменения. В этом плане существенное значение имеет **«трансляция»** («транспозиция», по Балли) — способ перевода слова из одного функционального класса в другой.

Теория валентности Л. Теньера быстро получила признание и нашла последователей за пределами Франции, прежде всего — в Германии, а затем и в России. При этом понятие валентности было распространено и на другие части речи.

Что касается оценки работы Теньера, то мы считаем возможным привести два высказывания. Первое принадлежит Б.А. Абрамову, автору обзора по грамматике зависимостей (1985): «Развитие современной лингвистики на протяжении последних двадцати пяти лет показало, что теория Л. Теньера заняла в ней заметное место, послужив в качестве отправного пункта и для грамматики зависимостей в ее интерпретативном и порождающем варианте, и для теории валентности, в рамках которой все эти годы продолжают множественные теоретические и практические разыскания. Подход Л. Теньера к синтаксису, безусловно, не лишен оригинальности в осмыслении и синтезировании ряда существовавших и до него представлений».

Второе сделано В.Ю. Копровым, написавшим работу по типологии простого предложения (1999). «Бесспорный приоритет в разработке проблем семантического устройства предложения принадлежит Л. Теньеру. Общий подход автора к типологии предложения за истекшие десятилетия не только не устарел, но, напротив, стал еще актуальнее. Можно сказать, что ученый своей работой как бы задал на многие годы вперед основные направления и приемы типологического и контрастивного изучения языков. В своих изысканиях Л. Теньер использовал доступные ему работы по грамматике русского языка, написанные в 20-е годы русскими лингвистами, особенно разделы, относящиеся к глагольному управлению и разбору предложения по его членам. Не случайно поэтому идеи Л. Теньера были наиболее органично восприняты и развиты в трудах отечественных исследователей — В.Г. Гака, Т.П. Ломтева, Н.Д. Арутюновой и др. Основным вкладом Л. Теньера в науку считается, как известно, разработанная им **теория актантов**. Эта теория дала толчок для разработки модели предложения А.Ж. Греймаса и падежной грамматики Ч. Филлмора».

Отказ от концепций индоевропеизма характеризует не только американскую, но и **советскую лингвистику**. Для этого были причины как языкового, так и неязыкового характера. Первые заключались в том, что на территории молодого Советского Союза, как и на территории Соединенных Штатов, существовало множество разнообразных языков, подавляющее большинство которых не относилось к индоевропейской семье. Многие из них были бесписьменными. В рамках культурного строительства необходимо было решить проблемы создания письменности для этих языков и кодификации для литературных. Прежде всего нужно было составить описания языков, для чего принципы сравнительно-исторического языкознания оказывались явно непригодными.

В результате интенсивной работы отечественных языковедов за период нескольких десятилетий литературные языки получили 50 народов страны. В этой сложной и трудоемкой работе участвовали известнейшие лингвисты. Так, исследованиями в области тюркских языков занимался **Евгений Дмитриевич Поливанов** (1890—1937) — ученик Бодуэна де Куртенэ и Щербы, лингвист-теоретик с большим запасом знаний в области японистики, китаистики и тюркологии, хорошо знакомый с достижениями западноевропейской, дальневосточной и арабской науки о языке. Его основные работы — *Лекции по введению в языкознание и общей фонетике* (1928), *Введение в языкознание для востоковедческих вузов* (1928), *За марксистское языкознание* (1931). Особое значение имеют его работы в области фонологии. Он впервые в мировой науке описал фонетику японских диалектов, подготовил очерк японской фонологии.

Проблемами арабистики занимались **Игнатий Юлианович Крачковский** (1882—1951) и **Николай Владимирович Юшманов** (1896—1946). Основателем советского финно-угроведения был **Дмитрий Владимирович Бубрих** (1890—1949). Специалистом по балтийским языкам был **Ян Эндзелин** (1873—1961).

Николай Феофанович Яковлев (1892—1974) был специалистом по кавказским языкам, особенно в области фонологии. Он возглавлял комиссию Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Большую известность получила его статья *Математическая формула построения алфавита* (1938 г.).

Сергей Петрович Обнорский (1888—1962), ученик Шахматова, был инициатором создания в Москве Института русского языка в 1944 г.

Большое внимание уделялось проблемам соотношения языка и общества. В этом плане известна работа **Розалии Осиповны Шор** (1894—1939) *Язык и общество* (1926). Она же подготовила материалы одного из первых советских учебников по введению в языкознание. Работа была завершена и издана в 1945 г. **Николаем Сергеевичем Чемодановым** (1903—1989), ставшим соавтором учебника. Социолингвистике посвящены работы **Бориса Александровича Ларина** (1893—1964) *Очерки по языку* (1932), **Виктора Максимовича Жирмунского** (1891—1971) *Национальный язык и социальные диалекты* (1936) и ряд других.

Помимо собственно языковых причин отказа от достижений сравнительно-исторического языкознания ситуация в немалой степени осложнялась идеологическими установками: вся западноевропейская наука была объявлена «буржуазной», «идеалистической», несовместимой с принципами «пролетарской», «материалистической» науки. Поэтому в Советском Союзе не только разрабатывается методика полевого описания языков, но и создается теоретическая база «марксистского» языкознания, так называемое **новое учение о языке**.

Основателем «нового учения» был **Николай Яковлевич Марр** (1864—1934), возглавивший работу по пересмотру теоретических основ языкознания и по изучению и описанию неиндоевропейских языков народов СССР.

Марр окончил факультет восточных языков Петербургского университета, где изучал грузинский, армянский, семитские и кавказские языки. С 1901 г. он стал профессором Петербургского университета, а с 1912 г. — членом Академии наук. Естественно, что в период обучения Марр познакомился с идеями В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, Г. Шу-

хардта и младограмматиков. Свою научную деятельность он начинал как компаративист, положив начало сравнительно-историческому изучению картвельских языков. Таким образом, он признавал достижения индоевропеистики, но позднее пришел к выводу, что они относятся к прошлому. На современном же этапе «буржуазное» языкознание зашло в тупик, прежде всего потому, что занималось изучением никогда не существовавшего праязыка. Именно на базе индоевропейского языкознания возникли теории расового неравенства народов и разной степени ценности языков.

В 1924 г. Марр выступил с «новым учением о языке», суть которого сводится к ряду основных положений. Прежде всего он обратил внимание на влияние кавказских языков на армянский, т.е. индоевропейский язык. Этот кавказский субстрат он назвал яфетическим и пришел к выводу о том, что изучение яфетических (кавказских) языков может дать материал для понимания не только процессов в различных языковых семьях, имевших контакты с кавказскими языками, но и процесса развития человеческого языка в целом.

По словам Марра, его яфетическая теория «в области лингвистики делает то же самое, что материализм сделал в области философии и социологии: она ставит лингвистику с идеалистической головы на материалистические ноги».

В процессе развития человеческого языка, по мнению Марра, основную роль играло скрещивание отдельных языков. Именно в процессе схождения, скрещивания и смешения первоначально разнородных языков возникает их родство. Таким образом, общее направления языкового развития представляет собой переход не от единства к множеству, а от множества к единству. Марр приходит к выводу, что яфетические языки — это особая стадия в развитии всех языков мира. На основании этого он стал искать яфетические элементы во всех языках.

В качестве основы своего учения Марр выдвинул идею о непосредственной связи языка не только с мышлением народа, но «и его общественным строем и хозяйством». В этом плане язык «есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений, предполагающих наличие трудового коллектива». А поскольку всякая идеологическая надстройка имеет классовую сущность, то и язык тоже является классовым.

По мнению Марра, до возникновения звукового языка существовал язык жестов (ручной язык), а звуковой язык появился уже в классовом обществе, в среде магов, выполняющая сначала магические функции.

Развитие языка, как и развитие общества, проходит через определенные **стадии**. «Так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразовалась в другую». Таким образом, учение о **стадиальности** развития языка связывает переход общества из одной формации в другую с обязательным переходом языка из одной стадии в другую. При этом переходе происходит коренное изменение одной структуры языка, в результате чего появляется новая, качественно отличная языковая система, в которой сохраняются элементы старой. Соответствие типа языка типу общественной формации заключается в том, что языки изолирующего строя являются отражением первобытной формации, агглютинирующего строя — родовой организации общества, а флективные языки — формации классового общества. Итогом языкового развития должен стать единый язык человечества, как считал Марр, язык коммунистического общества.

В связи с этим Марр считал, что развитие всех языков происходит по «единому» плану, или, в его терминологии, мы имеем дело с единым **глоттогоническим процессом**, поскольку в развитии языков и в развитии общества наблюдаются одни и те же закономерности.

В качестве метода лингвистического исследования Марр предлагает **четырёхэлементный анализ**. Этот метод основан на том, что все языки мира ведут свое происхождение от четырех первоначальных элементов: *сал*, *бен*, *йон*, *рош*, которые можно найти во

всех современных языках. Очевидно, что Марр пренебрегал фонетическими законами и морфологическими различиями языков и пытался найти доказательства стадильных изменений в семантике слов.

У «нового учения» были и сторонники, и противники, критиковавшие его основные постулаты (Е.Д. Поливанов и другие). Однако в 1920—1940 гг. оно было объявлено «единственно правильным», и отказ от него означал либо добровольный, либо принудительный уход из официальной науки. Правда, были и такие случаи, когда внешне сохранялась «верность заветам» Марра, а на самом деле исследователь не был достаточно догматичным, чтобы в точности следовать установленным постулатам. Примером такого исследователя был И.И. Мещанинов.

Академик **Иван Иванович Мещанинов** (1883—1967) — один из учеников Н.Я. Марра, директор Института языка и мышления им. Н.Я. Марра, — занимался сравнительно-типологическим изучением грамматических форм в разносистемных языках. Его идеи изложены в работах: *Новое учение о языке. Стадильная типология* (1936), *Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения* (1940), *Члены предложения и части речи* (1945), *Глагол* (1949). Работа 1940 г. с рядом дополнений вошла в книгу *Проблемы развития языка* (1975).

На базе идеи Марра о единстве глоттогонического процесса Мещанинов разработал теорию стадильного развития синтаксиса. Сущность теории заключается в том, что в своем развитии синтаксическая структура предложения проходит ряд стадий, различающихся способом грамматического оформления подлежащего. При этом отмечается, что не следует считать наличие той или иной конструкции в языке обязательным свидетельством его принадлежности к соответствующей стадии развития, поскольку, будучи разновременными по происхождению, разные конструкции могут сосуществовать в одном языке одновременно, образуя одно целое, единую систему.

Инкорпорация характеризуется тем, что комплекс «формально представляет собой слово, но по содержанию является предложением. Это — словопредложение». Если буквально перевести такие комплексы на русский язык (что мы и будем делать в дальнейшем, чтобы избежать обращения к совершенно незнакомым языкам), то получатся «словосочетания» типа *человеко-олене-видение* («человек увидел оленя») или *волко-олене-убивание* («волк убил оленя»). Однако элементы *волк*, *олень*, *человек*, *увидеть* в подобных языках никогда отдельно не употребляются: приведенные комплексы не являются ни существительными, ни глаголами, так как по содержанию они выражают «и то и другое, не будучи в то же время ни одним из них... Имеется одно целое, разлагаемое на составные части по нормам особой типологии». Иными словами, здесь еще нет ни подлежащего, ни сказуемого, ни имени, ни глагола.

Специфика **посессивных** конструкций заключается в том, что мы имеем дело опять-таки не с привычным нам предложением, а со своеобразной именной группой, в которой указывается, что обозначаемое в ней действие «принадлежит определенному лицу, которое воспринимается не как действующее лицо, а как то, которому принадлежит указанное в предикате действие... : *ада-м ула* «отца дом его» (= дом отца); *ада-м суну* «отца взятие его» (= отец берет). При этом в обоих случаях возможно использование формальных показателей времени.

В конструкциях **эргативного** строя уже не только различаются имя и глагол, но типы глаголов и формы имени. Форма имени-подлежащего определяется типом глагола: подлежащее при непереходном глаголе имеет форму общего падежа, а при переходном глаголе — форму **эргативного** падежа, тогда как дополнение употребляется в форме общего (абсолютного) падежа. Ср., например:

Камень (абс.) *лежит*,

Мальчик (абс.) *лежит*,

Мальчик (абс.) *бежит*,

*Мальчи**ком*** (эрг.) *брошен камень* (абс.).

В конструкциях **аффективного** строя подлежащее не является действующим лицом. «Ему не принадлежит действие и не через него оно совершается. Наоборот, субъект воспринимает на себя действие, совершаемое независимо от него. Он ощущает на себе результаты того, что происходит вне его активной воли». Ср., например:

Отцу любим сын («Отец любит сына»).

И, наконец, в предложениях **номинативного** строя подлежащее имеет единственную форму — именительного падежа, независимо от его семантики:

Я убил волка; Волк убит мною; Я иду; Я болею.

Форма именительного падежа выступает как средоточие всех возможных предикатов, согласуемых с ним. Это грамматически главенствующий член предложения, даже тогда, когда он обозначает предмет, претерпевающий действие.

Таковы основные идеи концепции Мещанинова. Как видим, Мещанинов мог позволить себе определенные отступления от постулатов своего учителя. Возможно, имело значение и положение, которое он занимал. Что же касается рядовых ученых, то нападки на них по поводу их «отступничества» продолжались еще долгое время. И это положение сохранялось до 1950 г., когда профессор Тбилисского университета **Арнольд Степанович Чикобава** (1898—1985) опубликовал в газете *Правда* статью, обвинявшую Марра в «вульгаризации марксизма» в идее классового характера языка, его стадийного развития, четырехэлементного анализа. Завязалась оживленная дискуссия, в которой приняли участие обе заинтересованные стороны. Однако после публикации статьи И.В. Сталина *Относительно марксизма в языкознании* дискуссия прекратилась.

Вскоре появилось «классическое произведение творческого марксизма — труд И.В. Сталина *Марксизм и вопросы языкознания*», который совершил «коренной переворот в развитии советской науки о языке». Работа Сталина стала настольной книгой для лингвистов: не появлялось ни одной публикации по лингвистике (и не только по лингвистике) без ссылок на эту работу. Сравнительно-историческое языкознание было «реабилитировано, но многие вопросы, рассматривавшиеся Марром, оказались «ошибочными» — такие, как проблемы соотношения языка и мышления, типологии языков, семантики, социолингвистики и ряд других.

Таким образом, из одной крайности отечественная лингвистика попала в другую. Однако не следует полагать, что никаких серьезных исследований не проводилось. Прежде всего была проведена большая организационная работа. Так, в 1930 г. был создан Институт востоковедения; в 1938 г. в составе АН СССР было организовано отделение языка и литературы, в состав которого входил и Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра; в 1944 г. — Институт русского языка; в 1947 г. — Институт славяноведения и балканистики. В 1950 г. — на базе Института языка и мышления и Института русского языка создается единый Институт языкознания.

В рамках Московской лингвистической школы создается Московская фонологическая школа, к которой принадлежали **Рубен Иванович Аванесов** (1902-1982), **Петр Саввич Кузнецов** (1899-1968), **Александр Александрович Реформатский** (1900—1978), **Владимир Николаевич Сидоров** (1903—1968), **Алексей Михайлович Сухотин** (1888-1942).

Идеи Казанской школы нашли продолжение в Ленинградской фонологической школе, основоположником которой был Л.В. Щерба и куда входили его ученики: **Сергей Игнатьевич Бернштейн** (1892—1970), **Лев Рафаилович Зиндер** (1910—1985), **Маргарита Ивановна Матусевич** (1895—1979).

Свободное развитие советского языкознания, его «воссоединение» с мировой наукой начинается с конца 1950-х гг. Большую роль в этом процессе сыграл профессор МГУ **Владимир Андреевич Звегинцев** (1910—1988), организовавший издание цикла сборников *Новое в лингвистике*, первый выпуск которого вышел в свет в 1960 г. (с 1978 г. — *Новое в зарубежной лингвистике*).

Традиции Московской школы успешно продолжали и продолжают уже названные

А.А. Реформатский, В.А. Звегинцев, а также **Юрий Сергеевич Степанов** (р. 1930) и **Юрий Владимирович Рождественский** (1926—1999), которых знают по их общетеоретическим трудам и учебникам по введению в языкознание, общему языкознанию и общей филологии. На этих учебниках воспитывалось не одно поколение студентов, а большинство известных ученых, ныне работающих в области лингвистики, с гордостью называют себя учениками Реформатского, Звегинцева, Степанова и Рождественского.

Тема: Вне школ и направлений. О. Есперсен, Л.В. Щерба, А. Гардинер, К. Бюлер, Е. Курилович, Э. Бенвенист, Р.О. Якобсон

К лингвистам, стоящим **вне каких-либо школ и направлений** первой половины XX в., следует отнести О. Есперсена, Л.В. Щербу, А. Гардинера, К. Бюлера, Е. Куриловича, Э. Бенвениста и Р.О. Якобсона.

Датский лингвист **Йене Отто Харри Есперсен** (1860—1943) — выдающийся авторитет в области английской грамматики, лингвистической теории, истории английского языка, общей фонетики. Его *Фонетика* (1897—1899) долгое время оставалась лучшим изложением основ общей фонетики. Он способствовал реформированию обучения иностранным языкам в Европе, а также явился создателем международного языка «новиньяль».

Есперсен по образованию считается автодидактом, что в лингвистике встречается не так уж часто. Еще в детстве он увлекся работами известного датского лингвиста Рasmus Раска, по грамматикам которого он изучал исландский, итальянский и испанский языки. Свою первую серьезную работу, посвященную фонетическим законам, он опубликовал в 1886 г., за год до получения магистерской степени по французскому языку в Копенгагенском университете. Будучи профессором английского языка Копенгагенского университета (1893—1925 гг.), он возглавлял движение в пользу преподавания иностранных языков на базе разговорной речи, а не изучения грамматик и словарей и создал ряд учебников, которые использовались не только в Дании, но и в других странах. Свои теоретические взгляды на проблемы обучения иностранным языкам он изложил в работе *Как обучать иностранному языку* (1901 г.). Серьезное внимание он уделял процессу овладения языком детьми.

Большая часть работ Есперсена посвящена английскому языку. Главная его работа в этой области — энциклопедический труд *Грамматика современного английского языка* в 7 томах (1909—1949). Работа 1905 г. *Рост и структура английского языка* была переиздана в 1969 г.

Проблема прогресса в языке рассматривалась под влиянием эволюционной теории Дарвина и впервые нашла отражение в работах *Прогресс в языке в специальном применении к английскому языку* (1894) и *Язык: его природа, развитие и происхождение* (1922). Общетеоретические взгляды Есперсена представлены в трудах *Логика языка* (1913) и *Философия грамматики* (1924). Последняя переведена на русский язык в 1958 г. Рассмотрим наиболее общие положения этой работы.

Есперсен отмечает, что явления языка можно рассматривать с двух позиций — описательной и исторической. Обе позиции одинаково важны для исследования. Первая может объяснить многие неправильности, но «объяснение не устраняет их: для говорящих на современном языке они остаются столь же неправильными, как если бы их происхождение не было объяснено. Историческая лингвистика не может сделать ненужной описательную, поскольку историческая лингвистика всегда должна основываться на описании тех этапов в развитии языка, которые нам непосредственно доступны».

Различие между грамматикой и лексикой автор видит в следующем: первая имеет дело с общими фактами языка, а вторая — с единичными.

При изучении языка «можно начинать либо извне, либо изнутри. В первой части (Ф → З) мы исходим из формы как данной величины, а затем устанавливаем ее значение,

или функцию; во второй ($\exists \rightarrow \Phi$), наоборот, мы исходим из значения, или функции, и устанавливаем, как они выражаются в форме». Однако в любом случае исследователь всегда должен помнить о том, что «форма и функция в жизни языка неотделимы; и когда языковедческая наука говорила об одной из сторон, игнорируя другую, и таким образом, упускала из вида их постоянную взаимосвязь, — это наносило ей ущерб». Поэтому задача лингвиста заключается в том, чтобы постоянно держать в поле зрения обе стороны: звучание и значение. Автор добавляет, что указанные две точки зрения в действительности отражают позиции говорящего и слушающего.

Позиция Есперсена в отношении значений, точнее — грамматических значений, или категорий, напоминает позицию Блумфилда. Он считает, что грамматические понятия и категории можно установить, «не выходя ни на мгновение за пределы грамматики. Однако как только мы задаем вопрос, что эти понятия и категории отображают, мы сейчас же из области языка попадаем в область внешнего мира или в область мышления». При этом соответствия между «внешними» и грамматическими категориями никогда не бывают полными: «повсюду мы находим самые странные и неожиданные перекрещивания и взаимопересечения».

Есперсен пытается выяснить, какие категории мышления находят отражение в грамматических категориях и в какой степени они соответствуют друг другу или расходятся друг с другом. В этом плане интересен анализ грамматической категории времени (*tense*) и ее взаимоотношения с категорией реального времени (*time*).

Помимо грамматических категорий, определяемых структурой того или иного языка, можно обнаружить еще и внеязыковые категории, которые от языка не зависят. «Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие — к умственной деятельности или к логике. За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями. Задача грамматиста состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае разобраться в соотношении, существующем между понятийной и синтаксической категориями». Таким образом, любой анализ грамматических явлений предполагает тройное подразделение, три ступени, или троякий подход: (А) форма, (Б) функция и (В) понятие. При этом грамматика должна устанавливать факты, а не пожелания.

Проводя различие между подлежащим и сказуемым, Есперсен показывает, что первое обычно обозначает нечто данное, известное, тогда как второе — нечто новое, сообщающее о подлежащем. Однако в сказуемом не обязательно содержится новое, но оно «всегда заключается в связи подлежащего и сказуемого, т.е. в самом факте соединения этих двух компонентов».

И еще один момент концепции Есперсена — это его теория трех рангов подчинения, которая дополняет традиционную классификацию слов по частям речи. Согласно этой теории, следует различать слова первичные (абсолютно определяемые); слова вторичные (**адьюнкты**), определяющие слова первого ранга; и слова третичные (**субьюнкты**), определяющие слова второго ранга. К первым относятся существительные, ко вторым — прилагательные и глаголы, различие между которыми проявляется в характере их связи с существительными, а к третьим — наречия.

Характеризовать академика **Льва Владимировича Щербу** (1880—1944), известного российского ученого, непосредственного ученика И.А. Бодуэна де Куртенэ, как стоящего вне школ и направлений было бы несколько некорректно, однако, по словам В.А. Звегинцева, он был настолько самобытным, что относить его к Казанской школе можно только условно.

Л.В. Щерба преподавал в Ленинградском, затем в Московском университете, с 1943 г. — академик.

К его основным исследовательским интересам относятся фонетика и фонология. Он был виднейшим специалистом в области экспериментальной фонетики. Кроме того,

он занимался разнообразными проблемами общего языкознания — морфологии и лексики, взаимоотношения грамматических и лексических категорий, словообразования, синтаксиса, лексикографии, французского языка, а также методики преподавания иностранных языков. В этом плане следует отметить, что Щерба был блестящим методистом, поскольку одновременно являлся выдающимся лингвистом. К сожалению, по нашим наблюдениям, подавляющее большинство современных преподавателей методики имеют смутное представление о лингвистике, в лучшем случае знают о ней понаслышке.

В статье *О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании* (1931 г.) Щерба выделяет, как это и следует из заглавия, три следующих аспекта языка:

- 1) **речевую деятельность** — «процессы говорения и понимания»;
- 2) **языковую систему** — «создаваемые в результате умозаключений словарь и грамматику языка»;
- 3) **языковой материал** — «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы».

Следует сразу же отметить, что, рассуждая о «процессах говорения и понимания», автор имеет в виду «**индивидуальный** речевой процесс, обусловленный психофизической организацией индивида, хотя и тот и другой являются социальным продуктом». Таким образом, речевая деятельность, по Щербе, представляет собой индивидуальное проявление языковой системы. «В идеале» речевая деятельность может совпадать с языковой системой, но «на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга». Языковая же система выводится из языкового материала, «это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале «и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы».

В этой же работе говорится о важности эксперимента при изучении живых языков: «только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря».

В статье *О частях речи в русском языке* (1928) Щерба проводит различие между лексикой и грамматикой. Первая «представляет собой систему слов, из которых по правилам грамматики и самой лексики строится наша речь». Вторая «представляет собою репертуар средств, посредством которых... по определенным правилам выражаются отношения между самостоятельными предметами мыслей и... образуются новые слова».

В книге *Фонетика французского языка* (1937) дается определение фонемы как звукового типа, который способен дифференцировать слова и их формы. В речи фонема реализуется в виде **оттенков фонемы** — реально произносимых звуков.

В синтаксисе основным понятием для Щербы является не предложение, а **синтагма** — «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний». Объединение синтагм образует **фразу**, представляющую собой «законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона». Независимо от внутреннего членения все синтагмы разделяются на два основных типа: **одночленные** (*Пожар; Это безобразие; Он пошел в театр; Я приехал домой, когда уже было темно*) и **двучленные** (*Ленинград — большой город; Наш милейший дядюшка был большой чудак*).

Большой интерес представляет незаконченная работа *Очередные проблемы языковедения*, в которой даны наброски по разнообразным общетеоретическим вопросам языкознания. Так, рассматривая проблему двуязычия, Щерба различает чистое и смешанное двуязычие. При этом отмечается, что нормальным случаем, более интересным для лингвиста, является второй, так как при смешанном двуязычии вновь усваиваемый язык всегда претерпевает то или другое влияние первого языка.

Обращаясь к определению слова, он задается вопросом, а что такое «слово», полагая, что в разных языках оно будет объясняться по-разному. Таким образом, понятия «слово вообще», считает он, не существует.

Большую важность для теоретических исследований, по мнению Щербы, представляет изучение трех типов языков: 1) языки племен, стоящих на низком уровне развития (при этом следует «разбить предрассудок, будто языки примитивных племен структурно являются сравнительно простыми»); 2) языки жестов; 3) языки «всевозможных афатиков».

Щерба предлагает различать активный и пассивный синтаксис. Предметом изучения пассивного синтаксиса является синтаксическое значение форм слов, синтаксические выразительные средства языка — порядок слов, сочетания слов, фразовое ударение и фразовая интонация. В активном синтаксисе «рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности? Как выражается логическое суждение с его S и P? Как выражается независимость действия от воли какого-либо лица действующего?.. Активный аспект синтаксиса самый неразработанный в грамматике любых языков».

Алана Гардинера и Карла Бюлера иногда считают структуралистами. Очевидно, это связано с тем, что оба исследователя в своих работах проводят различие между языком и речью. Однако, как уже отмечалось, после Соссюра не было ни одного лингвиста, который не признавал бы этого различия, но нельзя считать исследователя структуралистом на основании только одного этого признания.

Алан Гардинер (1879—1963), известный английский египтолог, опубликовавший по теории языка две работы: *Теория речи и языка* (1932) и *Теория имен собственных* (1940 г.). Вторая работа имеет больше философскую направленность, а первая посвящена собственно лингвистическим вопросам. В ней Гардинер рассматривает различие между языком и речью, отмечая, что они образуют основную дихотомию в грамматических явлениях. «Фердинанду де Соссюру принадлежит заслуга в привлечении внимания к различию между "речью" и "языком", различию настолько важному по своим последствиям, что, по моему мнению, оно рано или поздно станет неизбежной основой всякого научного рассмотрения грамматики». Это основное различие Гардинер интерпретирует следующим образом: «Язык представляет собой основной капитал лингвистического материала, которым владеет каждый, когда осуществляет деятельность речи... Речь... есть кратковременная, исторически неповторимая деятельность, использующая слова. Речь имеет место, когда человек делает замечание или записывает предложение. Акт неповторим, закончен в себе, происходит только однажды и в силу этого диаметрально противоположен любому языку, любому собранию лингвистического материала», Гардинер считает, что в своем конкретном смысле слово *речь* эквивалентно слову *текст*, т.е. оно обозначает «все, что написано или сказано».

Под языком следует понимать все то, «что является традиционным и органическим в словах и сочетаниях слов», а под речью — все то в них, «что обуславливается конкретными условиями и соответствует "значению" или "намерению" говорящего».

Язык функционирует в речи, и именно «для этой цели он и существует». Различие между языком и речью заключается в том, что «терминами языка и грамматики, относящимися к фактам "языка", являются такие, которые имеют дело с постоянным строением слов, и соответственно терминами "речи" являются такие, которые относятся ad hoc к функциям слов, обусловленным причудой каждого говорящего в отдельности».

Итак, языку принадлежит все, что является достоянием миллионов людей, а речь — это индивидуальное творение каждого говорящего. В связи с этим Гардинер полагает, что основной единицей языка является слово, тогда как **предложение** — это единица речи: предложение *Дождь!* — это факт индивидуального, речевого употребления слова *дождь*, которое принадлежит миллионам говорящих. «Предложение управляется намерением как

в количественном, так и в качественном отношении, и если возникает необходимость в его количественном определении, то можно принять следующее: предложение — это высказывание настолько длинное по коммуникации, насколько это входит в намерение говорящего, прежде чем он сделает паузу».

Немецкого психолога, уделявшего большое внимание изучению языка, **Карла Бюлера** (1879—1963) тоже никак нельзя назвать структуралистом. Скорее это предшественник психолингвистов. Как отмечают Т.В. Булыгина и А.А. Леонтьев, авторы вступительной статьи к переводу работы Бюлера, «книги Бюлера, как и многие работы его коллег по Вюрцбургской школе, представляют интерес как попытка синтеза психологии и лингвистики в единую науку, которая через двадцать лет получит название "психолингвистики"».

Бюлер принимал участие в работе Пражского лингвистического кружка и опубликовал в его *Трудах* ряд статей. Его основная работа, посвященная проблемам языка, — *Теория языка* (1934).

В статье *Критическое рассмотрение новых теорий предложения* (1920) Бюлер впервые говорит о том, что человеческий язык имеет три функции — извещение, побуждение и сообщение. В *Теории языка* он уточняет терминологию и использует названия **выражение, обращение и сообщение**. Каждая из этих функций имеет в языке свои средства выражения. Н.С. Трубецкой писал: «Большая заслуга Карла Бюлера состоит в том, что он в правильном свете представил этот, очевидно, простой и тем не менее столь долго остававшийся незамеченным факт». Т.В. Булыгина и А.А. Леонтьев определяют концепцию трех функций языка как «наиболее популярный в мировой науке компонент теории языка Бюлера». Эта идея получила развитие в работе Р. Якобсона *Лингвистика и поэтика* (1960).

Специфика языковой системы заключается в наличии в ней двух коррелятивных классов единиц: слов и предложений. Этим человеческий, «двухклассный» язык отличается от искусственных, «од-ноклассных» знаковых систем.

Бюлер ввел понятие поля в лингвистику, считая, что оно «станет для языковедов столь же необходимым, как и для нас, психологов». При этом важно, что он предложил различать в языке два поля — **символическое**, в которое входят ситуационно независимые полнозначные, «назывные» слова, и **поле указания**, объединяющее дейктические слова. Последние разделяются на указатели лица («я» и «ты») и указатели ситуации («здесь», «сейчас», «это»). Эти два поля представляют собой «два источника, питающих в каждом конкретном случае точную интерпретацию языковых высказываний».

Е. Курилович, Р. Якобсон и Э. Бенвенист известны не только и не столько по монографиям, сколько по их многочисленным статьям, касающимся разнообразных проблем теоретической лингвистики.

Ежи Курилович (1895—1978) — выдающийся польский языковед, профессор Краковского университета — индоевропеист и специалист в области общего языкознания. Он не принадлежит ни к какой школе, но по своим взглядам занимает некое промежуточное положение между представителями Пражского кружка и глоссематики. Он автор ряда монографий: *Индоевропейские этюды* (1935), *Апофония в индоевропейских языках* (1956), *Акцентуация индоевропейских языков* (1958). Статьи Куриловича по вопросам общего характера изданы в сборнике *Лингвистические этюды* (1960), который вышел в России под названием *Очерки по лингвистике* (1962). При этом редактор отмечает, что рассмотреть во вступительной статье всю совокупность проблем, которых автор касается в своих статьях, оказывается затруднительным: «Для этого понадобилась бы работа по объему не меньшая, чем сама его книга». В связи с этим мы остановимся лишь на некоторых из обсуждаемых Куриловичем проблем.

В статье *Основные структуры языка: словосочетание и предложение* он определяет различие между этими единицами следующим образом: «Предложением в грамматическом смысле термина является двучленный комплекс, сущность которого состоит в про-

тивопоставлении сказуемого подлежащему или, в более сложных случаях, в противопоставлении группы сказуемого группе подлежащего. В словосочетании имеет место детерминация (определение), которую можно назвать атрибутивным (в широком значении этого термина) отношением в противоположность предикативному отношению, характеризующему предложение».

Выступая в составе предложения, словосочетание выполняет в нем функцию того или иного синтаксического члена. Эта функция «выполняется его определяемым (конституирующим) членом независимо от того, каким членом — определяющим или определяемым — является это словосочетание внутри большого предложения».

Курилович считает, что подчинительные союзы по своему статусу ближе к предложениям, а не к сочинительным союзам. «Связь между придаточным предложением и союзом напоминает связь между словосочетанием (существительное+прилагательное) и предложением, который им управляет». Подчинительный союз вступает в связь прежде всего со сказуемым придаточного предложения, вызывая в нем определенные формальные изменения (форм времени, наклонения, и/или позиции глагола). Таким образом, внешние связи предложения представлены в сказуемом, которое является определяющим членом по отношению к подлежащему. Внешние связи словосочетания представлены определяемым членом.

В статье *Проблема классификации падежей* рассматривается вопрос о первичных и вторичных функциях падежей. Так, для аккузатива первичной функцией является роль прямого дополнения, другие же его функции (аккузатив цели, протяженности, цены и т.п.) являются вторичными. Употребление формы аккузатива во вторичной функции «всегда сопровождается **ограничением** условий, в которых выступает падежная форма». Используя терминологию Бюлера, Курилович отмечает, что первичная функция «обусловлена в системе», тогда как вторичная «обусловлена в поле».

В индоевропейских языках падежная система представлена тремя основными падежами: именительным, винительным и родительным. К вопросу о вторичных функциях Курилович возвращается в статье *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*, где указывается, что первичная функция слова определяется его лексическим значением, а всякое вторичное употребление является «с формальной точки зрения **мотивированным** и отмеченным употреблением».

В статьях *Понятие изоморфизма* и *Лингвистика и теория знака* проводится аналогия между структурой предложения и структурой слога: подлежащее предложения уподобляется начальной группе согласных слога, сказуемое — гласной, обстоятельство — конечной группе согласных.

Содержание любого языкового элемента «обусловлено сферой употребления, а не наоборот».

Согласно постулатам логики, понятие рассматривается как нечто существующее до суждений, а следовательно, и предложения строятся просто из слов. «Однако, — замечает Курилович, — тот факт, что семантические классы определяются синтаксическими функциями, и теорема о том, что сокращенные структуры основаны на полных, говорят в пользу обратной точки зрения».

Формулируя закон «Чем уже сфера употребления, тем богаче содержание (смысл) понятия; чем шире употребление, тем беднее содержание понятия», Курилович подчеркивает роль **социального** фактора, «который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней. Расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением расширения его употребления в языковом коллективе. Это отношение характеризуется не только динамической стороной, но и статическим аспектом. Сфера употребления знака внутри системы соответствует сфере его употребления в языковом коллективе. Иначе говоря, чем обобщеннее (беднее) содержание знака, тем шире сфера его употребления говорящими; чем специальное (богаче) содержание, тем уже сфера употребления не только внутреннего

(внутри системы), но и внешнего (в языковом коллективе)».

Эмиль Бенвенист (1902—1976), по словам Ю.С. Степанова, не является лидером какого-либо лингвистического кружка или направления. И вместе с тем, а может быть, благодаря этому имя французского лингвиста наилучшим образом представляет современный этап науки о языке — лингвистику 70-х годов прошлого века.

Бенвенист — ученик А. Мейе, который передал ему в 1928 г. свою кафедру в Коллеж-де-Франс. Большинство его книг посвящены индоевропеистике. Главная из них — *Индоевропейское именное словообразование* (1935). Теоретические проблемы языкознания рассматриваются в ряде кратких статей, сборник которых был издан в 1966 г. Ряд статей и публикаций переведены на русский язык и вошли в сборник *Общая лингвистика* (1974).

Вводная статья к сборнику написана Ю.С. Степановым, который, характеризуя метод работы Бенвениста, отмечает, что он обычно выбирает узловое место системы, а затем двигается от него в своем исследовании в разных направлениях. В результате получается описание не «иерархическое», а «радиальное». При этом указываются «три опорных положения лингвистической концепции Бенвениста, а вместе с тем и всего рассматриваемого течения лингвистической мысли: 1) генетический способ работы с материалом и объяснения категорий языка; 2) генетический способ введения и определения теоретических понятий лингвистики; 3) глубокая связь с филологической и лингвистической традицией».

Еще один существенный момент концепции Бенвениста — **антропоцентрический принцип** в лингвистике, который заключается в том, что язык рассматривается как «семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом», или, иными словами: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка».

Рассмотрим некоторые из основных положений Бенвениста, представленные в *Общей лингвистике*. Прежде всего автор отмечает, что лингвистика по существу имеет два объекта: с одной стороны, это наука о языке, а с другой — наука о **языках**. «Язык как человеческая способность, как универсальная и неизменная характеристика человека, не то же самое, что отдельные, постоянно изменяющиеся языки, в которых она реализуется».

В развитии лингвистики Бенвенист выделяет три этапа: философский (от античности до конца XVIII в.), эволюционный — с начала XIX в. и современный.

Основной функцией языка автор считает символическую: «язык представляет собой наивысшую форму способности, неотъемлемой от самой сущности человека, — способности к *символизации*... Нет естественного и прямого отношения ни между человеком и миром, ни между одним человеком и другим. Необходим посредник — тот символический аппарат, который сделал возможным мышление и язык. За пределами биологической сферы способность к символизации — самая характерная способность человеческого существа».

Что касается образования языкового знака, то Бенвенист не преувеличивает роли произвольности, которая проявляется лишь в процессе наименования, создания «звукового символа реальности и затрагивает отношение этого символа к реальности». Знак же как единство, как целое, как первичный элемент системы «содержит означающее и означаемое, соединение между которыми следует признать *необходимым*, поскольку, существуя друг через друга, они совпадают в одной субстанции».

Отношение между языком, мышлением и действительностью интерпретируется следующим образом: «Язык воспроизводит мир, но подчиняя его при этом своей собственной организации... Передаваемое содержание (или, если угодно, "мысль") расчленяется в соответствии с языковой схемой. "Форма" мысли придается ей структурой языка... Мы видим мир таким, каким его нам оформил сначала наш язык».

Анализируя отношение языковых и логических категорий, начиная с «истоков», от категорий Аристотеля, Бенвенист приходит к выводу, что выведенные Аристотелем логи-

ческие категории оказываются грамматическими, языковыми категориями, специфичными для древнегреческого языка. Таким образом, «под видом таблицы всеобщих и постоянных свойств Аристотель дает нам лишь понятийное отражение одного состояния языка».

Отдельная глава сборника *Общая лингвистика* озаглавлена *Человек в языке*. Мы не будем останавливаться на всех деталях, отметим лишь главное: «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как я, как бы присваивать себе язык целиком», конституируя себя как *субъекта*. Но осознать себя можно только в противопоставлении: «Я могу употребить я только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как ты... Язык без выражения лица невыносим».

Но «присвоить себе язык» может каждый, владеющий этим языком, поэтому естественно, что «нельзя представить себе язык и общество друг без друга... Именно в языке и через язык индивид и общество детерминируют друг друга».

Уточняя соссоровский тезис о том, что языковая система держится на различиях, Бенвенист добавляет: «Язык характеризуется не столько тем, что он выражает, сколько тем, что он различает на всех уровнях... Это и делает язык системой, в которой ничто ничего не значит само по себе и по своему природному свойству, но в которой все имеет значение вследствие зависимости от целого; структура придает частям их "смысл", или их функцию».

Ведущая роль в языке принадлежит его форме, без которой невозможна ни передача мысли, ни ее реализация. Однако при анализе языка не следует ограничиваться лишь анализом формы. Необходимо также «параллельно рассматривать и функцию языка». Понятию функции Бенвенист уделяет особое внимание, поскольку именно она определяет статус того или иного слова в системе языка, а не формальное, морфологическое различие. Так, рассматривая традиционное противопоставление имени и глагола, он показывает, что морфологическое различие между ними оказывается вторичным по отношению к различию синтаксическому. Главная функция глагола — это его обязательное участие в построении законченного утвердительного высказывания, и эта функция «не нуждается в специфически глагольной форме».

Целый ряд работ Бенвениста посвящен анализу индоевропейских социальных терминов. Можно полагать, что именно эти работы послужили основанием для исследования того, что в настоящее время получило наименование «концептов культуры».

Роман Осипович Яковсон (1896— 1982) не похож на таких лингвистов, как Уитни, Есперсен, Блумфилд, Сепир и ряд других, которые системно изложили свои взгляды в одном большом труде. Библиография его работ, многие из которых написаны в соавторстве, составляет 475 названий. Его называли «лингвистом № 1».

Р.О. Яковсон окончил Московский университет. В 1916 г. он стал одним из основателей Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ). В 1920 г. Р. Яковсон уехал в Чехословакию, где вместе с В. Матезиусом создал Пражский лингвистический кружок и был одним из авторов его *Тезисов*. Кроме того, он принимал участие и в работе Копенгагенского кружка. В 1941 г. он переехал в США, где работал в ведущих университетах.

Результаты научной деятельности Яковсона отражены в многочисленных и разносторонних публикациях, поэтому, вероятно, гораздо проще перечислить те проблемы, по поводу которых он не писал, чем те, которые им освещены. Попробуем отметить лишь самые общие моменты.

Пражский период деятельности Р. Яковсона можно охарактеризовать как структурно-функциональный. Ранее уже отмечалась его работа о шести функциях языка. Правда, Ж. Мунен, который скептически относится ко многим лингвистическим теориям и не забывает влить свою «ложечку дегтя», замечает, что указанные функции объясняют все факты языка только нелингвистам, поскольку они не имеют собственно формальных лингвистических критериев. Это лишь частные случаи употребления языка.

Более бесспорными оказались идеи, связанные со структурой языка. В 1938 г. Jakobson докладывал на Кружке о том, что все фонемы можно свести к ряду комбинаций двоичных дифференциальных признаков. Позднее эта идея получила воплощение в совместной с Г. Фантом и М. Халле работе *Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты* (1952 г.). В работе описываются двенадцать пар двоичных признаков, основанных на акустических характеристиках звуков — частоте (высоте), распределению формантов, силе и т.п. Считается, что с помощью этих признаков можно описать фонологическую систему любого языка. При этом вовсе не обязательно, что в характеристике какой-то конкретной системы должны быть использованы все-признаки.

Бинарный принцип был перенесен и на описание грамматических категорий. В разделе о пражском структурализме уже упоминалась работа Jakobsona о русском падеже.

В 1959 г. Jakobson выступил на международном симпозиуме в Эрфурте с докладом *Знак и система языка*, в котором остановился на некоторых положениях де Соссюра. Так, уточняя принцип произвольности знака, Jakobson указывает: «Связь между определенным означающим и определенным означаемым, которую Соссюр называет произвольной, является в действительности заученной и закрепленной обычаем связью по смежности, которая обязательна для всех членов данного языкового коллектива». Что же подлежит «уточнению» или «исправлению»? Обратимся к словам *Курса*: «Слово произвольный... требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее *немотивированно*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи». Иначе говоря, о произвольности языкового знака Соссюр говорил, имея в виду момент создания знака, наименования, а не употребления уже готового знака.

Сомнение Jakobsona по поводу другого принципа — «линейности означающего» — представляется более оправданным, поскольку уже в фонологии приходится «говорить о двух измерениях, о следовании и одновременности; здесь уместна аналогия с аккордами в музыке».

Говоря о противопоставлении синхронии и диахронии, Jakobson показывает, что не следует отождествлять его с противопоставлением «статика — динамика», поскольку в действительности «синхрония отнюдь не статична: изменения совершаются непрерывно и входят составной частью в синхронию».

Далее, Jakobson считает, что с помощью дистрибутивного анализа можно решать и семантические проблемы языка.

При анализе языковых явлений нельзя исходить лишь из позиции только говорящего или только слушающего; следует обязательно всегда иметь в виду обе позиции.

Тема: Лингвистика второй половины XX в.: от формальной структуры — к семантике. Неогумбольтианство. Этнолингвистика. Порождающая семантика. Падежная грамматика. Типология. Лингвистика универсалий

Структурализм возник как своеобразная реакция на младограмматизм, как результат поиска выхода из тупика. Основным направлением исследований был всесторонний анализ языковой формы. Однако одновременно с этим развивалось и другое направление, правда, гораздо менее массовое, представители которого ставили своей целью исследование внутренней формы языка, его содержательной стороны. Это направление получило наименование этнолингвистики, поскольку изучение языка было тесно связано

с изучением культуры данного народа, или **неогумбольдтианства**, так как в его основе лежат идеи В. фон Гумбольдта.

Известны две разновидности этнолингвистики — европейская и американская. Первая возникла в 1920-х гг. в Германии. Американскую этнолингвистику, которая появилась примерно в это же время, вряд ли можно считать непосредственным продолжением учения Гумбольдта. Она возникла на «своей» почве и имеет своих предшественников.

Европейское неогумбольдтианство называют также «грамматикой, ориентированной на содержание» (*Inhaltsbezogene Grammatik*). Одним из основоположников этого учения является **Лео Вайсгербер**, профессор Боннского университета. Его взгляды и идеи разделяют также **Йост Трир**, **Ханс Глинц** и др.

Концепция Вайсгербера изложена в его четырехтомном труде *О силах немецкого языка* (1949—1950) и представляет собой развитие трех идей Гумбольдта: 1) язык является действующей силой; 2) язык заключает в себе определенное мировоззрение; 3) язык представляет собой внутреннюю форму.

Действующая сила языка проявляется в том, что он является своего рода посредником между действительностью, внешним миром, и человеком, народом, говорящем на данном языке. Именно через посредство языка складываются и формируются представления народа об окружающем мире, происходит его языковое членение и наименование его объектов. Однако результаты такого членения могут оказаться неверными, ошибочными, а поскольку человек в своих действиях идет на поводу у своего языка, то его мышление и поведение могут оказаться также неверными, ошибочными. Л. Вайсгербер приводит следующий пример. В немецком языке существует слово *Unkraut* («сорняк», «сорная трава»), тогда как в действительности среди растений имеются *Hahnefuss* («лютик»), *Gansedistel* («чертополох») и т.п., а никакой такой "Unkraut" нет. "Unkraut" — это не факт действительности, а результат интерпретации этой действительности человеком. То же самое можно сказать и в отношении слов *Obst* («фрукты»), *Gemuese* («овощи»), *Getreide* («злаки»), которые не имеют никакого соответствия в реальной классификации растительного мира. В древневерхненемецком языке «неверно» классифицируется животный мир — все животные подразделяются на две основные группы: домашние животные — *Vieh* и четыре типа диких животных: *Tier* (бегающие), *Vogel* (летающие), *Wurm* (ползающие) и *Fisch* (плавающие).

Таким образом, с помощью языка и при его посредстве человеческое сознание создает более или менее целостную картину мира (*Weltbild*), своеобразное «мировидение», или «мировоззрение», промежуточный мир между действительностью и человеком. А поскольку разные языки «видят» мир по-разному, отдельные картины мира не совпадают друг с другом, что приводит к так называемому лингвистическому агностицизму. Сущность этого заключается в том, что познавательные возможности человека ограничены специфическими свойствами того языка, с помощью которого он создает картину мира. Иными словами, язык не только обуславливает познавательные возможности человека, но в то же время и ограничивает их,

Люди, говорящие на разных языках и создающие различные картины мира, создают и различные культуры, и различные нормы общественного поведения, а также различные типы мышления.

Внутренняя форма языка трактуется как система его понятийных и грамматических категорий. Именно эти категории и представляют собой «ключ» к миропониманию, основу различий в содержании мышления людей, говорящих на разных языках.

С понятием внутренней формы языка связано и понимание роли грамматики в концепции Вайсгербера. Грамматика представляет собой промежуточную ступень в исследовании языка, «неизбежное зло», так как именно на этой стадии возможно рассмотрение языка только как эргона. В отличие от «одномерной» грамматики, исследующей лишь формальную сторону, Вайсгербер считает необходимым совершить переход к

трехмерной науке о языке за счет включения в сферу исследования как языкового содержания, так и языкового воздействия.

С идеей промежуточного мира связано понятие **языкового содержания**. С помощью содержания строится языковая модель, которая в отличие от сосюрговской является не двухкомпонентной, включающей язык и внешний мир, а трехкомпонентной, состоящей из звуковой формы, содержания и действительности (предметов и явлений внешнего мира).

В исследовании языка Вайсгербер различает два аспекта, каждый из которых подразделяется еще на два. Статическое рассмотрение языка, или грамматика, осуществляется с двух сторон: внешней, звуковой, и содержательной, или понятийной. Динамическое рассмотрение языка (собственно лингвистика) также имеет две стороны. С одной стороны, рассматривается роль языка в процессе познания, в процессе обозначения словами всех явлений и предметов действительности. Этот аспект считается ведущим. С другой стороны, рассматривается влияние языка на поступки человека и на жизнь языкового коллектива в целом.

В разделе о философии языка В. фон Гумбольдта мы отмечали, что его последователи часто подменяли диалектические, антиномические идеи Гумбольдта односторонним рассмотрением. Не избежал этого и Вайсгербер. Преувеличивая активную роль языка в процессах мышления и познания, он «забыл» об утверждении Гумбольдта о том, что круг понятий того или иного народа не следует выводить из его словаря.

Американскую этнолингвистику можно рассматривать как вариант неогумбольдтианства. Однако она сложилась независимо от гумбольдтианских традиций. В центре внимания этого направления — проблема «язык и культура», обращение к контрастивному сопоставлению языков американских индейцев с языками «среднеевропейского стандарта».

У истоков направления стоят Ф. Боас, Э. Сепир и ученик последнего **Бенджамин Ли Уорф** (1897—1941). Уорф не был профессиональным лингвистом. Он работал инженером по технике пожарной безопасности в страховой компании, а изучением языков и культуры индейцев занимался в свободное время. Прослушав курс лекций Э. Сепира по индейскому языкознанию в Йельском университете, он сам позднее читал в этом университете лекции. После издания наиболее важных работ Уорфа в 1956 г. тезис о том, что язык определяет восприятие и мышление, стал известен как гипотеза Сепира—Уорфа. В основе гипотезы лежит следующее высказывание Сепира: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общего мышления. На самом же деле "реальный мир" в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Основные идеи Б.Л. Уорфа изложены в его статьях *Отношение норм обыденного мышления и поведения к языку* (1939 г.; в русском переводе слово «обыденный», «обычный» — *habitual* — пропущено), *Естественная наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление* (1940 г.; в русском переводе — *Наука и языкознание*), *Языки и логика* (1941 г.; в русском переводе — *Лингвистика и логика*).

Расследуя причины возникновения пожаров, Б. Уорф пришел к выводу, что чаще всего эти причины — языковые. Люди неправильно реагировали на разного рода предупреждающие надписи, и в результате их поступки приводили к пожарам. Так, на одном из складов висела табличка: *Пустые бочки из-под бензина*. Естественно, что слово *пустой*

каждый понимает как «не содержащий ничего», а следовательно, и нечто, не представляющее никакой опасности. И люди беззаботно курили вблизи этих бочек и бросали окурки. Они считали, что в этих бочках **нет бензина**, который, как известно, очень хорошо горит (и это **всем понятно**). Однако они могли не понимать, что в этих бочках могут содержаться пары бензина, которые в смеси с воздухом представляют собой **взрывоопасную субстанцию**. Отсюда — и случайные взрывы, ведущие к пожарам. Остальные примеры имеют аналогичный характер.

Итак, язык «подсказывает» человеку определенную норму поведения. Но то же можно обнаружить и в отношении человеческого мышления вообще. Занимаясь языками индейцев, Уорф установил, что они настолько отличаются от известных европейских языков, что различиями между последними можно пренебречь и рассматривать их как языки «среднеевропейского стандарта» (Standard Average European — SAE). В языках SAE имеются неисчисляемые существительные — названия вещества, массы: *вода, снег, растение* и т.п. В языках индейцев таких слов нет, а есть отдельные названия воды в реке, в озере, дождя, названия разных «сортов» снега и т.д. Уорф приходит к выводу, что в этих языках не выражаются такие общие понятия, как «вещество», «масса», «время», а следовательно, нет соответствующих категорий мышления. Поэтому, если бы Ньютон говорил, например, на языке индейцев хопи, он не смог бы написать своей *Механики*.

Таким образом, разные языки не только «видят» мир по-разному, но они по-разному и мыслят об этом мире, т.е. они различаются не только языковыми категориями, но и категориями мышления. В этом и заключается основная идея гипотезы Сепира—Уорфа.

Порождающая семантика возникла в США как реакция на приоритет формального аспекта при анализе языка. Основными представителями этого направления являются **Джеймс Мак-Коли** (р. 1938), автор работы *О месте семантики в грамматике языка* (1968); **Джордж Лакофф** (р. 1941), написавший работу *О порождающей семантике* (1971), и ряд других исследователей.

Сущность порождающей семантики (по аналогии с порождающей грамматикой) заключается в том, что не только формальная структура высказывания может быть представлена в виде дерева. Семантика тоже имеет свою структуру, которую можно также представить в виде дерева НС. При этом следует иметь в виду, что одна и та же мысль может быть выражена разнообразными способами:

Это заставляет меня уйти.

Я вынужден уйти из-за этого.

Это — причина моего ухода.

Подобным же образом можно представить семантическую структуру любого высказывания, точнее — группы синонимических высказываний, например таких, как: *У меня нет уверенности на этот счет; Это не внушает мне уверенности; Это не кажется мне бесспорным; Я не уверен в этом; Вряд ли это так; Это, наверное, не так; Я испытываю сомнения на этот счет; Это вызывает у меня сомнения; Это внушает мне сомнения; Это кажется мне сомнительным; Я сомневаюсь в этом.*

Следовательно, запоминание **мысли** не требует запоминания **слов**. Нужно лишь правильно изобразить семантическую структуру высказывания, а затем заменить элементарные смыслы и их комбинации словами конкретного языка. Таким образом, задача порождающей семантики заключается в выявлении элементарных смыслов и построении семантического языка — языка мысли.

Слово **не является элементарной семантической единицей**. Как известно, эта мысль, высказанная еще Томасом Гоббсом, была разработана в глоссематике, где был предложен оппозитивный метод выявления элементарных семантических единиц. Представители порождающей семантики понимали семантический язык как язык мысли, язык элементарных **смыслов**. Для обозначения этих смыслов предлагалось использовать простые слова типа *сам, кто-то, что-то, быть, иметь* и т.п. Кроме того, в состав семантической

структуры слова могли входить так называемые **операторы** типа *начинать, переставать, каузировать*. Семантическая структура слова интерпретировалась следующим образом:

владеть, обладать = «иметь»;

брать = «каузировать себя иметь»;

давать = «каузировать кого-то иметь»;

приобретать = «начинать иметь»;

утрачивать, терять = «переставать иметь»;

лишать = «каузировать кого-то переставать иметь».

Сложность интерпретации семантической структуры слов должна была компенсироваться тем, что аналогичным образом предполагалось описывать значения слов **любого языка**. Место двуязычных словарей должны были занять, например, русско-семантический и семантически-русский словарь, англо-семантический и семантически-английский и т.д. (Подобную мысль в свое время высказывал Исаак Ньютон.)

Идея представлялась достаточно простой, однако при ее реализации возник ряд трудностей. Во-первых, сам метод описания оказался недостаточно гибким и нуждался в постоянной переработке выведенных правил. Во-вторых, по нашему убеждению, идея оказалась трудно реализуемой вследствие того, что «чистую» семантику выявить достаточно сложно. Обозначения элементарных смыслов неизбежно требуют использования слов какого-то конкретного языка, которые далеко не свободны от всякого рода побочных смыслов и коннотаций, как бы исследователь ни старался их «очистить». В любом случае приходится иметь дело не с «чистой» семантикой, а «пропущенной через язык», имеющей свою специфическую внутреннюю форму. Поэтому говорить об универсальных смыслах оказывается весьма затруднительным — как и об универсальных фонемах.

Интенсивные исследования в области семантики в отечественной лингвистике связаны с **Московской семантической школой**, созданной в рамках Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ в 1960-е гг. В ее состав входили **Юрий Дереникович Апресян** (р. 1930), **Игорь Александрович Мельчук** (р. 1932), **Александр Константинович Жолковский** (р. 1937), **Юрий Семенович Мартемьянов** (р. 1930), **Зоя Михайловна Шаляпина** (р. 1946). и ряд других.

Падежная грамматика представляет собой своего рода семантический вариант трансформационной грамматики. Это одно из немногих направлений американской лингвистики, которое открыто признает свою преемственность в отношении европейского языкознания. **Чарлз Филлмор** (р. 1929) в своей работе *Дело о падеже* (1967) отмечает, что его концепция «согласуется с идеями Л. Теньера».

Один из первых вопросов падежной грамматики — интерпретация понятия «падеж». Известно, что со времен античности падеж рассматривался как категория морфологическая. По словам Джона Лайонза, в античной грамматике падеж считался самой важной из словоизменительных категорий существительного, подобно тому как время считалось самой важной словоизменительной категорией глагола. Однако при сопоставлении языков выяснилось, что, с одной стороны, падежные системы разных языков не одинаковы по своему количественному составу, а во-вторых, даже одноименные падежи в разных языках нельзя поставить в прямое, однозначное соответствие друг с другом.

Кроме того, оказалось весьма затруднительным обнаружить **общее значение** того или иного падежа. Так, еще А.А. Потемня отмечал, что в русском языке, с точки зрения семантики, существует не один творительный падеж, а «несколько падежей, обозначаемых именем творительного», значения которых невозможно свести к «общему знаменателю», — ср.: *Пишу пером, создано человеком, летит стрелой, шел лесом* и т.п.

К этому следует добавить также параллелизм значений падежей и предлогов и зависимость падежных форм от определенных предлогов.

По мнению Филлмора, при интерпретации термина *падеж* следует учитывать различия между поверхностными и глубинными структурами. Рассмотрение падежа с позиции поверхностной структуры должно быть признано неправильным, тогда как система

глубинных падежей должна быть пригодна для любого языка. Падежи традиционной грамматики предлагается рассматривать как результат морфологической реализации глубинного падежа. При этом один и тот же глубинный падеж может получить разные воплощения в поверхностной структуре, и наоборот.

Таким образом, Филлмор предлагает построить такую теорию глубинных падежей, в рамках которой можно было бы объяснить, почему, с одной стороны, одни и те же функции могут выполняться разными поверхностными падежами, а с другой — один и тот же поверхностный падеж может быть использован для выражения разных значений.

Естественно, что глагол (как и у Теньера), его способность сочетаться с определенными семантическими падежами, приобретает в концепции Филлмора ведущую роль. По мнению У. Чейфа, глагол становится ключевым элементом, открывающим процесс порождения высказывания, смысл которого предопределяется принадлежностью глагола к тому или иному семантическому классу.

Одним из самых сложных вопросов падежной грамматики является количество и состав падежей, а также критерии их выделения.

В работе 1968 г. Филлмор выделяет шесть падежей: **агентив** — падеж, который представляет некое действующее лицо; **датив** — живое существо, затронутое выражаемым глаголом действием или ситуацией (*Петр лечит Ивана; Иван выздоравливает*); **инструмент** — непосредственная физическая причина события; **фактив** — то, что создается действием; **локатив** — место, в котором происходит событие; **объектив** — неимеющий общей ролевой интерпретации. В работе *Дело о падеже открывается вновь* (1977) он изменил некоторые названия: то, что называлось дативом, он стал именовать экспериенцем (испытывающим воздействие), а вместо фактива появилась **цель**.

Уоллес Чейф (р. 1927) в работе *Значение и структура языка* (1971) предлагает семь падежей. У. Кук в *Падежной грамматике* (1979) выделяет пять падежей.

Особенно «постарались» в увеличении количества падежей наши отечественные исследователи. Так, В. Г. Гак в работе *К проблеме синтаксической семантики* (1971 г.), как и Чейф, выделяет семь падежей; Т.Б. Алисова в *Очерках синтаксиса итальянского языка* (1971) — четырнадцать падежей; столько же предлагает различать и В.В. Богданов (*Семантико-синтаксическая организация предложения* — 1977); Ю.Д. Апресян (*Лексическая семантика* — 1974) — целых двадцать пять. Однако никому еще не удалось (по крайней мере по нашим данным) «сочинить» названия для всех двухсот шестнадцати падежей, которые исчислил Л. Ельмслев.

Наши зарубежные коллеги оказались в этом отношении гораздо «экономнее». Так, Дж. Андерсон (*Грамматика падежа* — 1971, *О падежной грамматике* — 1977) считает, что все падежные отношения могут быть сведены к двум исходным понятиям — «место» и «источник». Четыре комбинации этих понятий дают возможность вычленивать четыре падежных отношения: **абсолютив** (- -), **локатив** («место» -), **эргатив** (- «источник»), **аблатив** («место», «источник»). Роберт Д. Ван Валин и Уильям А. Фолли (*Референциально-ролевая грамматика* — 1980) устанавливают лишь одно универсальное семантическое противопоставление **актера** и **претерпевающего**, а все остальные семантические падежи являются лишь производными. Такого же мнения придерживается и Т.П. Кшешовский (*Контрастивная генеративная грамматика* — 1979).

Все рассмотренные падежи определяются семантическими валентностями глагола и являются обязательными, или **пропозициональными** (у Теньера — «актанты»). У. Кук кроме этих падежей выделяет также **модальные** падежи, которые часто являются факультативными («сирконстанты»). К ним он относит **время**, **инструмент**, **способ**, **причину**, **цель**, **результат**, **внешний локатив**, **внешний бенефактив**. По мнению Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, состав глубинных падежей У. Кука представляется одним из наиболее удачных. Деление падежей на пропозициональные и модальные, обязательные и факультативные привело к значительному сокращению их числа.

У. Кук устанавливает пять требований, которые он считает необходимыми и

достаточными для определения падежных рамок глагола:

- 1) каждую падежную рамку образует глагол;
- 2) ни один падеж, кроме объектного, не может быть употреблен в падежной рамке больше одного раза;
- 3) наличие объектного падежа обязательно;
- 4) все падежи, кроме агенса и объекта, взаимоисключаемы;
- 5) падежи приводятся слева направо в иерархическом порядке выбора субъекта.

Особый интерес представляет введение понятия частично или полностью скрытых ролей в состав глубинной структуры. Существование таких ролей постулировали еще средневековые синтаксисты. Под частично скрытыми ролями понимаются те, которые обязательно присутствуют в глубинной структуре, но могут отсутствовать в поверхностной. Ср.: *Mary is cooking (dinner)*.

Типология языков и лингвистика универсалий. Исследования в рамках трансформационной и падежной грамматик проводились на материале разнообразных языков, в результате чего были выявлены определенные черты сходства как в плане формы, так и в плане семантики между языками, относящимися к совершенно различным семьям. Это не могло не привести к своеобразному «возрождению» интереса к проблемам типологии языков.

В статье *О современном состоянии типологии* (1958) Владимир Скаличка отмечал, что типология является одним из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания. Уже античные грамматисты, которые занимались вопросами аналогии и аномалии, опираясь на материал только одного или двух весьма сходных языков, по существу исследовали проблемы, связанные с типологией. Правда, «не вполне ясно — даже самим типологам, — что именно является предметом типологии».

Автор показывает, какие существуют подходы к типологии. «Прежде всего типология начинается с классификации: языки в этом случае группируются в отдельные типы. Другая концепция — характерологическая — отмечает существенные черты языков. Третья концепция основывается на группировке отдельных явлений. Четвертая — создает ступенчатую типологию. Наконец, пятая — стремится установить отношения между отдельными явлениями». Попытаемся кратко рассмотреть указанные «типы типологий».

Как уже отмечалось ранее, первая типология языков принадлежит Гвильельму Постелиусу. Она представлена в работе *О родстве языков* (1538 г.), в которой автор противопоставляет языки «грамматические» (греческий и латинский) и языки «натуральные», или «природные» (древнееврейский и другие семитские). Он считал, что из этих «природных» языков греческий и латинский заимствовали флексии. Библиандер, знакомый с древнееврейским и польским языками, полагал, что они грамматически так же организованы, как и греческий, и латинский. Он, как и Постелиус, отрицательно относился к мнению о том, что некоторые языки не имеют никакой грамматики.

Начало современной типологии связывают с именами братьев Шлегелей. Однако в статье С.Д. Кацнельсона *Концепция лингвистической типологии Адама Смита* (1982) отмечается: «Такая точка зрения, вопреки ее распространенности, плохо согласуется с исторической реальностью... Первые опыты в области лингвистической типологии появились не в Германии начала XIX в., а за пределами Германии, именно в Англии, за полвека до возникновения романтической традиции на Европейском материке». Пионером лингвистической типологии был упоминавшийся ранее английский социолог и экономист Адам Смит, который в своем трактате *О первоначальном формировании языков и различии духовного склада исконных и смешанных языков* проводит противопоставление флективных, синтетических языков, характеризующихся избыточностью грамматических форм, более экономным в этом отношении аналитическим языкам. Именно избыточность форм и является одной из причин их последующего отпадения. Другая причина — смешение языков.

Что касается немецкой типологии, то Фридрих фон Шлегель делил языки на два типа: 1) органические, или флективные; 2) аффиксальные (агглютинирующие). Август фон Шлегель выделил еще один тип языков — «без грамматической структуры», т.е. изолирующие, или аморфные, и предложил различать три типа языков: языки без грамматической структуры (формы), языки, использующие аффиксы, и флективные языки. И, наконец, Вильгельм фон Гумбольдт включил в эту классификацию инкорпорирующие языки.

Типологическая классификация основывалась на чисто формальном признаке — на характере (способе) оформления слова. Однако некоторые исследователи давали ей несколько иную интерпретацию. Так, Август Шлейхер принимал во внимание то, как выражаются в словах значения и отношения (в современной терминологии соответственно лексические и грамматические значения). В языках первой группы выражаются только значения, и слова представляют собой простые корни. В языках второй группы выражаются и значения, и отношения, но слова не образуют тесного единства. Это агглютинирующие языки. В языках третьей группы выражаются как значения, так и отношения, но при этом слова образуют тесное единство — флективные языки. В агглютинирующих и флективных языках Шлейхер выделял синтетический и аналитический типы. К первому относились языки, в которых отношения выражались внутри слова — с помощью чередований, суффиксов, префиксов, инфиксов. Ко второму типу — языки, использующие служебные слова.

В классификации Вильгельма Вундта корневые языки определяются как выражающие в слове общее представление. В агглютинирующих языках происходит разложение общего представления на составляющие признаки и объединение их в одно целое представление. Слова флективных языков выражают общие понятия.

В стадияльно-синтаксической классификации И.И. Мещанинова по признаку синтаксической организации предложения выделяются языки инкорпорирующие, языки possessивного, аффиктивного, эргативного и номинативного строя.

На синтаксической основе строится и типологическая классификация Тадеуша Милевского (1906—1966), который различает три типа языков: **позиционный**, **флективный** и **концентрический**. В позиционных языках синтаксические отношения выражаются с помощью порядка слов, во флективных — формами слов, а к концентрическим языкам Милевский относит инкорпорирующие языки.

Франц Николаус Финк (1867—1910) в работе *Априорное построение языковых типов* (1938 г.) предлагает различать восемь типов языков: **подчиняющий**, **инкорпорирующий**, **упорядочивающий**, **корнеизолирующий**, **корнефлектирующий**, **основофлектирующий**, **группофлектирующий**. Однако, по мнению Э. Бенвениста, эта классификация «не является ни исчерпывающей, ни последовательной, ни строгой». В.А. Звегинцев указывает, что первые типологические классификации являются по существу морфологическими, а при желании «у очень многих языков можно обнаружить признаки разных морфологических групп».

Скаличка оценивает классификацию Финка с несколько иной позиции, считая, что тот «открывает путь к новому пониманию типологии, а именно — к ее **характерологической** концепции». Цель характерологического описания — выделить характерные особенности какого-либо конкретного языка в сравнении с другими, выявить его своеобразие. Как уже отмечалось ранее, первым характерологическим описанием языка может служить грамматика Пор-Рояля.

Требование создать лингвистическую характерологию выдвинул в 1928 г. В. Матеиус в статье *О лингвистической характерологии с иллюстрациями из современного английского языка*, в которой отметил наиболее специфичные черты языковой системы английского языка. Наиболее известным сторонником этого метода является **Эрнст Леви** (1884—1966), описывающий языки таким образом, чтобы подчеркнуть в них наиболее характерные, специфические черты. Его основные работы в этом плане: *Рассмотрение русского*

языка (1925), *Краткое рассмотрение венгерского языка* (1931), *Структура европейских языков* (1942).

По мнению Скалички, классифицирующий принцип, по которому язык как целое относится к определенному типу, изжил себя. Характерологический принцип, с помощью которого выделяют специфические черты отдельных языков, не способен отражать точные факты. Автор считает целесообразным **группировать отдельные явления языка** по определенным признакам. Прежде всего этот принцип был применен к фонетике. Так, **Александр Исаченко** (1910—1978) осуществил классификацию славянских языков на основе численности в них гласных и согласных, разделив их на **вокалические** и **консонантические**.

Большинство перечисленных классификаций строится на основании какого-то одного признака, тогда как языки, по словам Бенвениста, представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, «используя только несколько самых разных принципов». В этом плане весьма перспективным, считает Звегинцев, представляется установление «системы перекрещивающихся координат, на основе которых оказывается возможным дать многостороннюю типологическую характеристику языков». Примером такой классификации является типология Эдуарда Сепира, который полагал, что главным признаком разделения языков на группы должен быть признак не формы, а того, какие именно значения выражаются в слове. В **корневых** языках выражаются только лексические значения; в **деривационных** помимо первых выражаются и словообразовательные значения; в **смешанно-реляционных** языках в форме слова (словоформе) выражаются отношения данного слова к другому слову; в **чисто реляционных** отношениях к другим словам выражаются с помощью служебных слов. Вторым признаком является «техника», т.е. способ выражения отношений. Здесь тоже выделяются четыре группы: **изоляция**, при которой используются служебные слова, порядок слов и интонация, **агглютинация**, **фузия** (внешняя флексия) и **символизация** (внутренняя флексия, ударение). Третий признак — степень синтезирования: **аналитическая**, **синтетическая** и **полисинтетическая**. Таким образом, в классификации Сепира все языки разделяются на сорок восемь групп.

В несколько измененном виде строит классификацию **Джозеф Харолд Гринберг**, который сравнивает не языки в целом, а их отдельные признаки, вычисляя **индексы**. В статье *Квантитативный подход к морфологической типологии языка* (1960) он рассматривает индексы следующих параметров: синтеза, агглютинации, словосложения, деривации, преобладающего словоизменения, префиксации, суффиксации, изоляции, словоизменения в чистом виде, согласования. Ценность данных индексов, по словам автора, заключается в том, что мы можем определить использованные величины последовательно и таким образом они окажутся применимыми ко всем языкам.

Подводя итог рассмотрению разных подходов к типологии, Скаличка пишет: «Отдельные явления языка (морфологические, синтаксические, фонетико-комбинаторные, словообразовательные) находятся во взаимной связи, причем их соседство может быть положительным или отрицательным. Сумма свободно сосуществующих явлений называется типом. Подобных типов, по нашему мнению, существует пять: флективный, интрофлективный, агглютинативный, изолирующий, полисинтетический. В конкретном языке различные типы реализуются одновременно».

Типологические исследования позволяют выявить **лингвистические универсалии**, т.е. всеобщие закономерности, которые определяют взаимоотношения разных элементов языковой структуры. Иначе говоря, универсалии — это такие свойства, которые присущи всем языкам или большинству из них. Истоки идеи универсалий восходят еще к античным грамматикам, а в средние века возникает термин *универсальная грамматика* (*grammatica universalis*). Первая универсальная грамматика — это грамматика Ф. Санчеса, основанная на дедуктивном принципе. Позднее появилась индуктивная грамматика Пор-Рояля. В обеих грамматиках были указаны некоторые универсалии. Современной универсальной грамматикой, построенной на дедуктивных принципах, является глоссема-

тика.

В 1961 г. в США по инициативе Джозефа Гринберга, **Чарлза Осгуда** и **Джеймса Дженкинса** была организована дискуссия по проблемам универсалий, выступления на которой были опубликованы как *Меморандум о языковых универсалиях*. Основная идея, которая высказывалась многими участниками в самых различных вариациях, сводится к повторению положения В. фон Гумбольдта, что все человечество говорит на одном языке или что при бесконечном разнообразии все языки построены по одной модели. При этом отмечалось, что универсалии должны иметь не дедуктивный характер, а быть извлеченными из самих языков.

Обсуждались возможные классификации универсалий, которые были сгруппированы следующим образом:

- 1) **дедуктивные** (обязательные для всех языков) — **индуктивные** (существующие во всех известных языках);
- 2) **абсолютные** (полные) — **статистические**, или **фреквентивные** (неполные);
- 3) **простые** (наличие/отсутствие) — **сложные** (определенная зависимость между явлениями);
- 4) **синхронические** — **диахронические**.

В 1965 г. **Борис Андреевич Успенский** (р. 1937) опубликовал работу *Структурная типология языков*.

В 1966 г. в АН СССР была проведена конференция по проблемам изучения универсалий. Материалы конференции опубликованы в сборнике *Языковые универсалии и лингвистическая типология* (1969).

Приведем примеры некоторых универсалий: все языки имеют гласные; все языки имеют не менее 10 и не более 70 фонем; каждый язык имеет хотя бы один носовой гласный; во всех языках есть имена собственные; маркированный член оппозиции всегда встречается более редко; чем немаркированный; если в языке слово всегда односложно, то оно одноморфемно, и в языке существует музыкальное ударение; если в языке существует флексия, то в нем есть и словообразовательные элементы; если в языке имеется дательный падеж, то в нем обязательно должен быть и винительный; если в языке выражается множественное число, то в нем существует и нулевой морф, выражающий его; если субъект и объект располагаются перед глаголом, то в языке есть падеж.

Идеи типологии и универсализма обусловили появление понятия **языка-эталона**, т.е. некоего стандартного инвариантного набора универсальных признаков, по отношению к которым можно было бы устанавливать классификационные группы. Однако В.А. Звегинцев считает, что подобного рода эталон обладает «качествами произвольности еще в большей степени, чем традиционные типологические классификации».

Более приемлемым представляется альтернативное предложение: при сравнении небольших групп языков (начиная с двух) использовать в качестве эталона один из сравниваемых языков, выявляя по отношению к нему специфические особенности других входящих в эту группу языков.